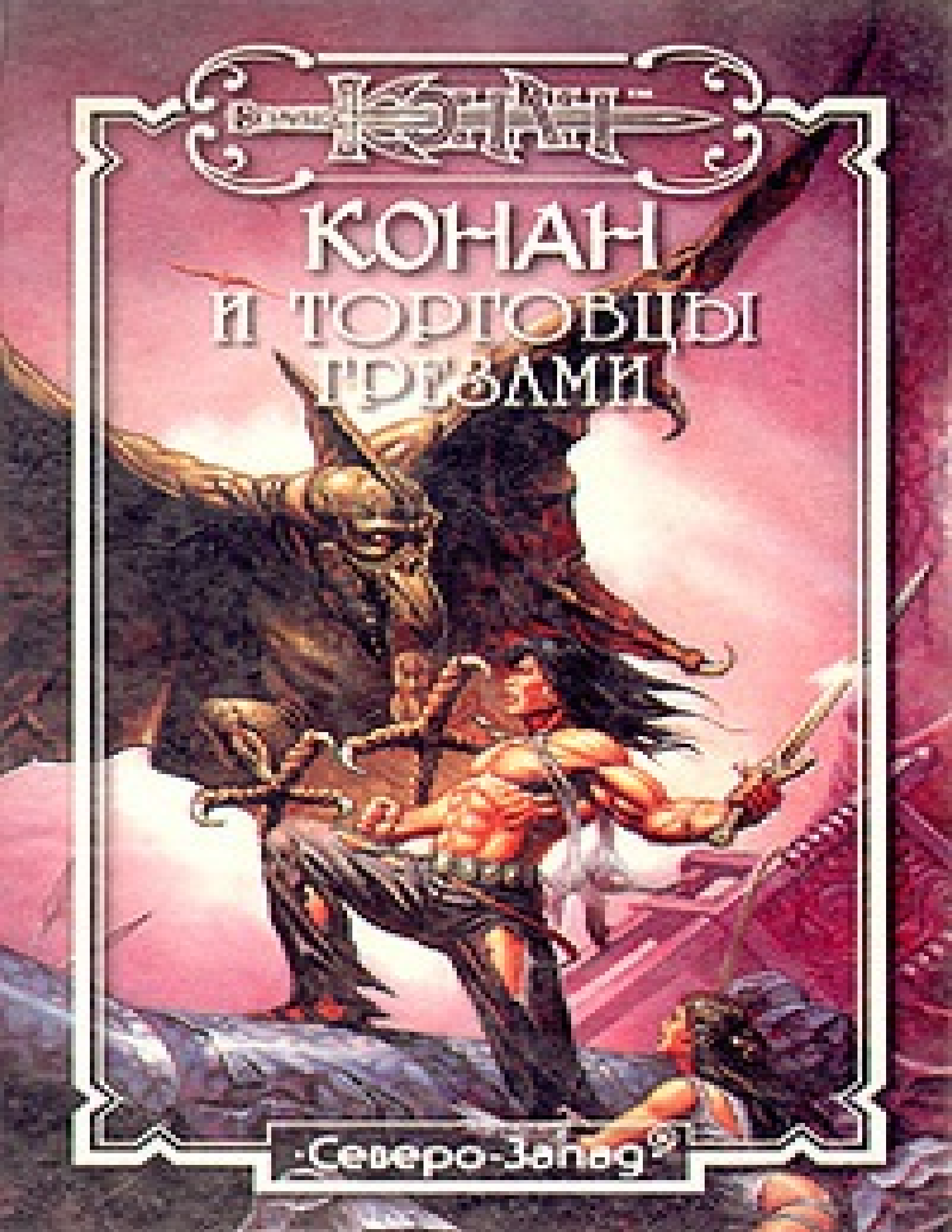
Роберт Говард

КОНАН И ТОРГОВЦЫ ГРЕЗАМИ



Северо-Запад

Annotation

Коварно проданный в рабство, Конан попадает на таинственный остров в северных водах Вилайета, дабы стать Юным и Вечным Богом…

•

Даниэль Уолмер

Обсидиановый нож

Судя по обволакивающей лицо духоте, было уже поздно. Давно следовало бы проснуться, открыть глаза и рывком принять сидячее положение. Но странное покачивание, поскрипывание, слабые шорохи мешали окончательно вынырнуть, выпутаться из теплых тенет сна. В полудреме Конану казалось, что кто-то укачивает его в огромной люльке, монотонно поскрипывающей, принявшей тело в мягкие объятия. Не хватало только заунывной колыбельной песни. Впрочем, поскрипывания, шорохи, глухие ритмичные удары где-то внизу, под ним — вполне могли сойти за нее.

Наконец волевым толчком Конан заставил себя разогнать дрему и открыл глаза. Несмотря на духоту, явно указывающую на поздний утренний или даже дневной час, зрачки его окунулись в сумрак. Мгновение спустя он сообразил, что это сумрак помещения без единого окна или другого источника света. Несколько разгоняли мрак лишь тонкие солнечные нити над головой, по-видимому бывшие щелями в неплотно пригнанных друг к другу досках. Покачивание не исчезло. К поскрипываниям и шорохам присоединились резкие птичьи крики, напоминавшие гортанные вопли голодных чаек. Больше всего это походило на открытое море. Да, именно море! Об этом же говорил и запах, такой знакомый запах: смесь дегтя, соли, рыбьей чешуи и нагретых кедровых досок.

Кром! С какой стати мог он проснуться в открытом море?.. Конан недоуменно дернул головой. Темя его мгновенно заныло от тупой боли, казалось, до этого дремавшей вместе с ним и только теперь проснувшейся. От внезапно нахлынувшей слабости киммериец снова прикрыл веки.

Ничего-ничего, спокойно, сказал он себе. Надо просто вспомнить все по порядку. Выстроить в стройный ряд все события вчерашнего вечера и ночи. Когда он приведет в порядок сумбурные и отрывистые воспоминания, он поймет, что означает это непредвиденное морское путешествие в душном трюме и отчего у него раскалывается темя.

Итак, вчера вечером Конан с приятелями хорошо отвел душу в одном из кабачков Султанапура по случаю удачного нападения на купеческий караван, шедший с юга, кажется, из самой Вендии. Помнится, выпил он раза в полтора больше, чем обычно, так как настроение было мерзейшее… И кто же его испортил? Ну конечно, Карела Рыжий Ястреб! Предводительница шайки заморянских разбойников, зеленоглазая ведьма, Нергал ее побери!..

Эта девчонка, которой только-только исполнилось восемнадцать лет, была поистине демоницей, а не дочерью человеческой. Во всяком случае, она проявляла себя такой в отношениях с киммерийцем. Среднего роста, с тонкой талией, крохотными, почти детскими ладонями и ступнями, с округлыми, как у ребенка, щеками, она руководила бандой из тридцати головорезов, прожженных степных волков, не боявшихся ни властей, ни богов, ни самого Нергала. Стоило ей лишь повести глазами, ярко-зелеными, раскосыми, разбегающимися к вискам, с золотой искрой веселой удали, то и дело вспыхивающей в них, как грубые и могучие мужчины бросались выполнять ее приказ, стараясь угадать его прежде, чем она раскроет свои нежные губки и произнесет его вслух. Ее густая рыжая грива, вольно плещущаяся за плечами, когда она неслась впереди своего маленького отряда наперерез медлительному каравану, действовала сильнее, чем призывный рев боевой трубы, чем огонь священных факелов, с которыми бросаются в бой дикие гирканские племена…

К своим восемнадцати годам Конан имел уже немалый опыт в любовных делах… Но ни одна из женщин, встреченных прежде, не вызывала в нем такой бури, такого напряжения самых противоречивых чувств. Эта неистовая воительница, полная хрупкой и вызывающей женской прелести, восхищала, волновала, влекла… и в то же время — доводила до бешенства своим неукротимым и горделивым нравом.

Она обжигала, как молния. Она выскальзывала из рук, как огромная сильная рыба. Конан не мог не чувствовать, что его холодные синие глаза, спокойная отвага, жизненная сила и мощь волнуют сердце Карелы (как, впрочем, и множества других женщин). Порой ему казалось, что, поддавшись страсти к нему, рыжая воительница вот-вот станет ручной, податливой, нежной… Но каждый раз при попытке подчинить ее варвара ждало жестокое разочарование. Похоже, что собственная свобода, великолепное гордое своеволие были ей дороже всех мужчин на свете.

Вот и вчера вечером… Ведь все так хорошо начиналось!

Ни сама Карела, ни большая часть ее шайки не участвовали в нападении на вендийский караван. Эта веселая и быстрая операция была инициативой киммерийца, подбившего присоединиться к себе пятерых самых отчаянных приятелей. Поэтому и добычей вольны были распоряжаться лишь они вшестером. Едва разобравшись с товаром и продав большую его часть по хорошей цене знакомому перекупщику, Конан тут же устремился в лагерь степных братьев, обосновавшихся в пяти лигах от Султанапура в ложбине, хорошо укрытой со всех сторон грядами холмов. Он ехал в самом мирном и добром расположении духа. Он вез увесистый мешок с золотыми — в общую казну шайки, а также подарки лично для Карелы, которые долго и придирчиво выбирал перед этим из яркой и роскошной груды награбленного.

Достаточно уже изучив нрав Рыжего Ястреба, Конан знал, что не следует дарить ей то, от чего приходят в буйный восторг обыкновенные женщины: изысканные, полувоздушные ткани, благовония, золотые и бронзовые безделушки. Конечно, при взгляде на все это в зеленых глазах зажжется огонек восхищения и вожделения — что взять с женщины, даже самой отважной и буйной! — но Карела сумеет погасить блеск глаз и презрительно отпихнуть носком сапога всю эту благовонную роскошь.

Нет, дарить ей следует только то, что пригодилось бы и женщине, и воину. Не праздные безделушки, но прочную и удобную вещь. С учетом этого после долгих раздумий Конан выбрал плащ нежно-зеленого цвета и перевязь, украшенную изумрудами. Плащ был из той тонкой и плотной ткани, издававшей под пальцами мелодичный скрип, которую выделывают

лишь в Вендии и Кхитае, по слухам, разматывая пушистые коконы каких-то гусениц. Изнутри плащ был подбит легким белоснежным мехом и при всей своей утонченной красоте мог служить отличной подстилкой или одеялом, что было не лишним при частых ночевках на голой земле, у вольных костров в степи. Перевязь с изумрудами также могла служить полезному делу, а не быть пустым украшением: ей очень удобно было бы скреплять буйную копну огненных волос, не давая непослушным прядям застилать глаза при бешеной скачке.

Поначалу все шло прекрасно. Карела, с загоревшимися глазами (отчего ее юное лицо стало совсем девчоночьим) набросила на плечи плащ, закрепила на лбу перевязь и прошлась, подбоченясь и взмахивая волосами, под откровенно восхищенный ропот своих ребят. Блеск изумрудов перекликался с искрящейся зеленью глаз, переливчатый шелк играл, подобно застывшим морским струям, оттеняя яркие рыжие пряди…

— Клянусь Митрой, ты прекрасна, как сама Иштар! — выпалил одноглазый бородач Ордо, верный помощник Карелы и правая ее рука во всех делах.

— Да нет, она заткнет за пояс твою Иштар! — возразил юный офирец Елгу, недавно принятый в шайку и пожиравший свою предводительницу откровенно обожающими глазами. — Никакая Иштар не сравнится с нашей Карелой!..

Конан также решил внести свою простодушную дань восхищения. Но уж лучше бы он промолчал! Тогда, возможно, бурный нрав Карелы не нашел бы повода, чтобы взорваться…

— Ты прекрасна, как дочь ледяного великана Имира! — ляпнул он.

— Это еще кто такая? — удивленно вскинула брови Карела.

— Она живет во льдах Ванахейма, — объяснил киммериец. — Видеть ее мне не доводилось, а из тех, кто ее видел, мало кто остался в живых. Но по слухам — красотка что надо!

— Во льдах Ванахейма? — переспросила воительница. — Значит, это толстая и неуклюжая, как корова, веснушчатая ванирка с белесыми ресницами! К тому же, холодная, как ледышка. Хорошего же ты мнения обо мне, Конан! Сравнить меня с варваркой с Севера!..

Тут Конану опять следовало бы благоразумно промолчать, но он, задетый за живое презрительным тоном, с каким были упомянуты варвары с Севера, запальчиво возразил:

— А почему бы и не сравнить тебя с дочерью Севера?! Не знаю, как в Ванахейме или Асгарде, я там не бывал, но среди киммерийских женщин есть подлинные красавицы, в груди которых бьется сердце снежного барса! Такой была моя мать. Мечом она владела не хуже тебя, Рыжий Ястреб, и красотой вполне могла бы поспорить. И она никогда не кичилась ни тем, ни другим. Ни разу в жизни!

Повисло нехорошее молчание. Румянец отхлынул от щек Карелы, а яркие глаза сузились. Медленно-медленно она расстегнула застежку плаща и стянула со лба перевязь. С тонкой, кривой усмешкой на побледневших губах она протянула киммерийцу его подарки.

— Подари это ледышке с Севера, Конан, — презрительно произнесла она. — Подари той, кто владеет мечом лучше меня. Боюсь только, ты потратишь всю свою жизнь на ее поиски.

Все в той же нехорошей, напрягшейся тишине Конан взял из ее рук плащ и перевязь. Внезапным рывком он подбросил легкую ткань и двумя крестообразными взмахами разрубил дивное творение вендийских ткачей, превратив в бесформенные лоскутья. Клочья белой шерсти закружились, опадая в воздухе. Изумрудную перевязь он просто швырнул в огонь и, не говоря ни слова, двинулся прочь от костра с растерянно застывшими разбойниками. Пару мгновений спустя он уже погонял своего коня в направлении

Султанапура.

Вскоре его нагнал одноглазый Ордо, всегда симпатизировавший буйному киммерийцу и втайне по-доброму завидовавший ему, и поскакал рядом.

— Не обращай внимания, Конан! — воскликнул бородач, настегивая коня, чтобы не отстать от угрюмо молчавшего киммерийца.

— Знаешь, как говорят на моей родине, в Офире? — спустя какое-то время снова завел он разговор под дробный перестук копыт. — Задел серп за валун! Встретились две сильные фигуры, и ни один не хочет уступать другому, хоть ты умри!

Конан придержал коня и перевел с галопа на рысь.

— Ну уж, умирать я не собираюсь! — буркнул он. — Бешеная баба! Пусть ее укрощает кто-нибудь другой. С меня хватит!..

— Еще какая бешеная! — согласился Ордо с мечтательным выражением в единственном черном глазу. — Но зачем же ее укрощать?.. Есть кобылицы, которые лучше отбросят копыта, чем дадут объездить себя и надеть на хребет седло.

— Да не собираюсь я ее укрощать, клянусь Кромом! — в сердцах выкрикнул киммериец и снова пришпорил коня. — Пусть носится по степи свободной кобылицей и дразнит жеребцов! Это она хочет зачем-то набросить аркан на мою шею и присоединить к табуну, послушно бегающему за ее хвостом. Не выйдет!!!

* * *

Как ни стремился старина Ордо ободрить его и развеселить в одном из кабачков Султанапура, куда они ввалились, привязав у входа взмыленных коней, настроение киммерийца еще долго находилось ниже предельного уровня. И только обильные возлияния в кругу добрых приятелей (помимо Ордо попозже подъехали еще двое-трое ребят из команды Карелы) вернули ему прежнее невозмутимо-веселое состояние духа. Помнится, засиделись они допоздна, и хозяину кабачка пришлось выпроваживать их с заискивающими интонациями и подобострастными поклонами и кивками. Последнее, что помнил Конан, это пиратскую песню, которую орал он во всю мочь юных легких, бредя по узким и извилистым, словно овечьи кишки, улочкам портового города… Ноги не слишком хорошо ему повиновались, оттого он крепко обнимал за плечи приятелей, также самозабвенно орущих разудалые слова… Кром! Кого же он обнимал и с кем орал?.. Один из них вроде бы был Елгу, а вот второй…

Как ни напрягал Конан память, все дальнейшее напрочь вылетело из его головы. Только темя затрещало сильнее. Красная физиономия Елгу с распахнутым ртом, в котором не хватало доброй половины зубов, качающаяся у правого его плеча, — последняя картинка вчерашней ночи, которую назойливо подсовывала ему выбившаяся из сил память. Ни корабля, ни порта, ни причин срочного плавания в тесном трюме отыскать она уже не могла.

Конан помотал из стороны в сторону гудящей головой, потянулся и сел. Кажется, не считая боли под черепной крышкой, с ним все в порядке. Руки-ноги целы, ребра не ноют, ни одна царапина не украшает кожу… Пора, наконец, разобраться, в какой переплет он попал!

Поднявшись на ноги — ему пришлось согнуться, так как потолок был очень низкий, — Конан внимательно оглядел крохотное темное помещение. Несомненно, это был трюм, и трюм на редкость маленькой посудины. Что-то вроде баркаса, с которых султанапурские

рыбаки забрасывают свои сети, не отдаляясь слишком далеко от берега. На полу валялся набитый соломой тюфяк внушительных размеров. Рядом — кувшин с пресной водой и половина кукурузной лепешки. Несколько пустых деревянных ящиков, воняющая рыбой мешковина, крупные комья рассыпающейся под пальцами соли… И больше ничего. На всякий случай Конан приподнял тюфяк и пощупал под ним. Кром! Самое нехорошее во всей этой истории было то, что с ним не было меча, с которым киммериец не расставался никогда, ни днем, ни ночью, ни в трезвом, ни в пьяном виде. Кроме кожаных штанов и куртки, на нем не было вообще ничего. Раз нет оружия, значит, он пленник! Пришла пора выяснить чей?..

Конан загрохотал кулаками в низкий потолок трюма, одновременно являвшийся досками палубы, и заорал:

— Эй! Кто-нибудь!.. Выпустите меня, пока я не разнес всю эту гнилую посудину по досочкам! Клянусь Нергалом!..

Тут же над головой его раздались неторопливые шаги. Что-то заскрежетало, и открылся маленький квадратный люк наверху. Столб утреннего света вместе со свежим воздухом ворвался в затхлое помещение. Конан тут же высунул голову в отверстие и огляделся. Как он и ожидал, со всех сторон, куда ни кинь взгляд, плескались волны. Выцветший и залатанный во многих местах лоскут паруса трепетал под ветром. Судя по положению солнца, маленький баркас держал курс на северо-восток.

— Проснулся, киммериец?.. — ласково спросил его присевший у распахнутого люка оборванец средних лет, в котором с некоторым облегчением (свой!) Конан признал Чеймо, одного из тех членов шайки Карелы, с кем он веселился вчера ночью. — Ну что ж, подыши, подыши свежим воздухом. Вот только кричать и грозиться не надо. Хорошо?..

Чеймо появился в команде Карелы совсем недавно. Кажется, он был родом из Хаурана и почтенным разбойничьим ремеслом занялся совсем недавно, большую часть жизни торгуя кожей и разорившись на этом поприще, а затем плавая с контрабандистами. Конан мало имел с ним дела, почти сразу почувствовав инстинктивную неприязнь к смуглому, вечно блестящему от пота хауранцу с уклончивым взглядом черных раскосых глаз и приплюснутым носом.

У него была на редкость неприятная манера говорить очень тихо, почти шепотом, словно у него постоянно болело горло. Свистящее шипение и уклончивые глаза не могли не наводить на мысли, что в тщедушной той груди теплится какое-то подспудное коварство.

Конан открыл было рот, чтобы как следует ответить Чеймо, но тут позади него раздались шаги и появилась вторая знакомая фигура. Елгу! Щербатый рот его распахнулся в улыбке, словно он не виделся с Конаном много дней и безумно рад встрече.

— Наш киммерийский жеребец наконец-то проснулся! — заорал он, останавливаясь в шаге от люка и широко, по-моряцки, расставив ноги. — Ну и горазд он спать! Наверное, видел во сне рыжую Карелу!..

— И не только видел, — поддакнул ему Конан, — но и кое чем занимался с ней! Но если ты не прекратишь скалиться и не выпустишь меня сейчас же из этого вонючего трюма, ты лишишься последнего зуба, клянусь!..

Елгу жизнерадостно расхохотался.

— Помолчи, — поморщился Чеймо, видимо бывший в этой парочке за лидера.

Конан внезапно вспомнил, что именно Чеймо был тем вторым, с которым он орал ночью пиратские песни, меряя заплетающимися ногами кривые улочки Султанапура. Именно

его гнусная рожа с блестящими скулами и приплюснутым носом маячила возле левого его плеча, поддерживая могучее тело варвара.

— Я сверну тебе шею, Чеймо! — пообещал ему Конан. — Я скормлю тебя рыбам, если ты тотчас не одумаешься и не прекратишь свои шутки!

— Это не шутки, — гнусно улыбнувшись, прошипел хауранец. — Мы разрешили тебе подышать воздухом, но если ты будешь распускать свой грязный язык и сыпать угрозами, ты снова очутишься в духоте и во тьме. На этот раз уже до самого приплытия.

Конан попробовал было протиснуть в отверстие плечо, но безуспешно. То, что он принял за люк, на самом деле было выпиленным в люке отверстием.

Оно было именно таким, чтобы голова свободно проходила в него, а плечи и все остальное туловище беспомощно застревали. Конан ухватился пальцами за край отверстия и попробовал расшатать доски, но только занозил себе ладони и пальцы.

— Не трудись, киммериец, — равнодушно посоветовал Чеймо. — Лучше дыши воздухом.

— Иначе получишь доской по голове! — захохотал Елгу, притопнув ногой от избытка молодых сил и для наглядности похлопав по одному из деревянных ящиков, загромождавших палубу.

— Потише, потише с доской! — осадил напарника Чеймо. — Ты и так вчера хорошо приложил его по темени! Я даже испугался, что череп этого жеребца не выдержит, разлетится с треском, и вся наша затея провалится в утробу Нергала!..

Он протянул руку и коснулся макушки киммерийца. Его физиономия озабоченно сморщилась, словно он был доктором, осматривающим раненого пациента.

— Хвала Митре, раны нет, всего лишь хорошая шишка, — пробормотал хауранец и объяснил напарнику, готовому опять залиться глупейшим смехом: — Я же ясно сказал тебе вчера, дубина, или ты не расслышал?.. Он должен быть совершенно целехоньким, без единой царапины или синяка. Уж тем более у него не должно быть сломанных костей и свежих ран. Если они найдут на его шкуре хоть единый изъян, они не примут его, и все наши усилия полетят к Нергалу. Мы не получим и ломаного медяка. Поэтому держи подальше свои лапищи от досок, дубинок и всякого такого прочего. Как бы ни пытался тебя разъярить наш киммерийский жеребчик, ты должен быть вежлив и ласков с ним, словно с богатой невестой.

Перспектива разводить нежности с пленным варваром не пришлась Елгу по вкусу, и лицо его скривилось.

— Подумай о том, что мы получим за него, и тебе вновь станет весело, — посоветовал ему старший товарищ.

Елгу послушался, и самодовольная улыбка вновь раздвинула его губы. Правда, он тут же посерьезнел.

— А как же шишка на голове? — спросил он. — Они не будут к ней придираться?..

— Ее не видно под густой гривой. Не думаю, что они будут так уж тщательно его ощупывать, — успокоил его Чеймо. — Я видел, как они принимали чужеземного пленника год назад. Они раздели его догола и осматривали со всех сторон, но щупать не стали.

Во все время этого довольно-таки загадочного диалога Конан прилагал немалые усилия к тому, чтобы освободиться. Он напрягал шею и плечи, пытаясь прогнуть доски вокруг подбородка. Лицо варвара побагровело, жилы на шее вздулись, но мучительные усилия не приводили ни к чему. Лишь со лба побежали прозрачные струи пота.

— Не надорвись, варвар с Севера, — заботливо попросил его Чеймо.

Поняв, что мощь мускулов ничем не может ему помочь, Конан решил сменить тактику.

— Ну, хорошо, — сказал он, сдув с верхней губы добежавшие до рта струйки пота. — Вы хотите продать меня в рабство дикарям на гирканском побережье. Хорошо. Но неужели вы думаете, что они отвалят вам много денег? За одного-единственного раба?.. Да вы заработаете в сто раз больше, если я возьму вас с собой в дело, подобное тому, что мы провернули с вендийским караваном позавчера!..

— Мы хотим продать тебя, киммериец, — кивнул Чеймо. — Ты верно догадался. Но, конечно же, не гирканским дикарям, — что нам могут дать жалкие дикари?.. И не в рабство.

— Не в рабство?.. — растерялся Конан. — Но тогда кому и зачем?..

— Ты слышал когда-нибудь об острове Заремоо? — спросил хауранец.

Конан наморщил лоб, вспоминая.

— Да… что-то такое слыхал. Кажется, это в северной части моря Вилайет. Помню, рассказывали о нем что-то забавное… или страшное? Но вот что именно — хоть убей!

— Возможно, это к лучшему, что ты не помнишь, — заметил Чеймо. — Тогда все, что с тобой произойдет в этом забавном или страшном месте, окажется сюрпризом. Могу заверить лишь в одном: будет не скучно.

Хауранец поднялся на ноги и неспешно двинулся прочь.

— Нельзя надолго оставлять руль, — бросил он, обернувшись, напарнику. — В этих местах ветер то и дело меняет направление, и сбиться с курса проще простого. Если хочешь, можешь поболтать еще с ним, но только держи себя все время в руках и помни про синяки и царапины.

— Почему на моей шкуре не должно быть ни одной царапины? — спросил Конан у оставшегося в шаге от люка офирца, не надеясь, впрочем, на вразумительный ответ.

— А Нергал его знает! — пожал плечами тот. — Я на этом самом Заремоо никогда не был. Это Чеймо там довелось побывать, вот его и расспрашивай! Знаю только, что этот ихний бог должен быть высоким, молодым и мясистым — вот как раз как ты! И без единой царапины. За такого они отвалят нам кучу золота. Такую кучу, какую в шайке Карелы я не заработаю и за пять лет. Понимаешь теперь, отчего мы с Чеймо подхватили тебя вчера под ручки, когда выходили из кабачка? Ты здорово надрался, как будто специально решил нам помочь. Было совсем несложно погладить тебя в темноте дубинкой!

— Сядь! — неожиданно велел ему киммериец.

— Чего-чего?!

— Я говорю: сядь! Мне неудобно разговаривать с тобой. Приходится высоко задирать подбородок.

Елгу расхохотался с неприкрытым злорадством. Положительно, он пребывал в самом радужном состоянии духа, и чуть ли не все вокруг вызывало в нем приступы жеребячьего смеха.

— Ну и задирай его, киммериец! Надеюсь, твоя драгоценная голова от этого не отвалится! Не все же тебе смотреть на всех сверху вниз!..

Конан сверкнул глазами в ярости, но это развеселило смешливого юнца еще больше.

— Тут ты не перед рыжей Карелой, киммерийская дубина! Можешь сколько угодно вращать глазами и скрипеть зубами, меня ты этим не проймешь! Хвала Митре, я не женщина! Сердечко мое не затрепещет при виде бычьих мускулов!..

Киммериец коротко, но крепко выругался и сплюнул. Смерив хохочущего туранца достаточно красноречивым взглядом (хоть и пущенным снизу вверх), он нырнул вниз, в

полумрак трюма. Лишь только Конан бросился навзничь на свой тюфяк, отверстие наверху поспешно прихлопнули и задвинули чем-то тяжелым, скорее всего груженым ящиком. Лишать пленника свежего воздуха и света не было явной необходимости, но, видимо, Елгу хотел показать еще раз, на другом примере, что здесь киммериец не перед Карелой и ничье сердечко не затрепещет…

Упомянув Рыжего Ястреба, офирец выдал себя. Конану сразу же стало ясно, что принять участие в этом подлом предприятии его подвигла ревность. Его неприкрытое обожание Карелы ни для кого не было секретом и давно уже стало в шайке предметом шуток, то грубоватых, то снисходительно-сочувственных. Продав соперника в рабство, он надеется расчистить себе этим путь к сердцу и к телу зеленоглазой воительницы. Безмозглый щенок! Да Карела не захочет даже плюнуть в его сторону….

По крайней мере, с туранцем было все ясно. Но вот чем он досадил вкрадчивому и шепчущему проныре с приплюснутым носом?.. Насколько Конан мог заметить, прелести рыжей предводительницы нисколько не интересовали Чеймо. Кажется, ко всем женщинам на свете он проявлял интереса не больше, чем к дорожной пыли, по которой ступал. Понятно, что он рассчитывает заработать, продав молодого и сильного раба, но почему он выбрал для этой цели именно его, Конана?.. Гораздо естественней для него было бы выбрать жертву не из членов собственной шайки. Ведь если слухи о его подлом предательстве дойдут до ребят Карелы, вкрадчивый Чеймо не проживет и дня! Не полный же он идиот в самом деле! Нет, во всем этом была какая-то загадка…

Конан, как всякий трезвомыслящий человек, терпеть не мог ничего загадочного, запутанного и туманного. Неясно, почему именно его… Неясно, в каком качестве он должен вступить на берег таинственного острова Заремоо, и отчего на нем не должно быть ни одной царапины… Может быть, если расцарапать себе самому щеки, поставить хороший синяк под глазом и вырвать клок из густой шевелюры, он потеряет для Чеймо с его идиотом-напарником всяческий интерес, и они отпустят его?.. (Как бы не так! — тут же поправил самого себя киммериец. Отпустят-то они отпустят, но только в плещущие со всех сторон волны, на корм рыбкам…)

Если б ему удалось вспомнить что-нибудь более определенное об острове Заремоо, возможно, туман рассеялся бы и загадки разрешились. Что, Нергал его разорви, что он слышал когда-либо об этом клочке земли в северных водах моря Вилайет, к которому неудержимо гонит его плавучую тюрьму ветер?!

Кажется, остров этот населяют туранцы… Но они не родились там, а когда-то в незапамятные времена переселились с материка. Что заставило их сорваться с насиженных мест и обживать бесплодные камни?.. Кажется, они поклонялись какому-то особенному божеству. Не Митре, не Иштар, даже не Сету… Бесплодные камни оказались хранящими в глубине себя руды драгоценных металлов, и со временем маленькая община расцвела, а остров превратился в укрепленную крепость. Слишком хорошо укрепленную! Самые невероятные слухи были связаны с названием «Заремоо», но подтвердить их или опровергнуть было бы затруднительно: чужеземцев не пускали на остров, и все торговые дела велись на чужих территориях либо прямо в открытом море.

Как бы то ни было, скоро все загадки должны разрешиться. При таком хорошем попутном ветре баркас может достигнуть цели уже завтра. Любопытно будет взглянуть на этот таинственный остров… Но, конечно, он должен появиться там не жалким пленником! Кром!.. Во что бы то ни стало нужно что-то придумать… Придурковатый Елгу и хилый,

словно земляной червь, Чеймо — неужели он не справится с ними двумя?..

* * *

В самый темный и глухой час ночи маленькое суденышко затряслось от громких ударов кулаками и ногами и диких воплей: «Эй вы, олухи! Сюда! Скорее!!! Судно дало течь!..»

Конану не пришлось орать и надрываться слишком долго. Вскоре палуба заскрипела от тяжелых встревоженных шагов, и выпиленное в люке отверстие распахнулось.

— Что ты орешь?! — Вопреки своей привычке Чеймо не шептал, а ревел, видимо, не на шутку встревожась.

— А то, что в днище пробоина! Ты что, не слышишь, как заливает?! Если вы не поторопитесь, еще до рассвета мы хорошо накормим местных акул!..

— Ничего я не слышу! Да и откуда взяться пробоине?.. Ты, что ли, прогрыз ее от злости?! — В голосе хауранца тревога мешалась с сомнением. — Ну, если это только твоя уловка, грязный варвар, будешь пенять на себя!..

— Буду, буду пенять! Но только не мешкай! — торопил его Конан. — Если не веришь, загляни сюда и убедишься! Я проснулся оттого, что отсырел мой тюфяк, а сейчас вода уже залила мне лодыжки!..

— Эй, Елгу! Живо неси сюда факел! Сейчас проверим, откуда там может течь… Сдается мне, что это течет брехня с языка киммерийца!..

Сжав в руке факел, услужливо зажженный очумелым со сна напарником, Чеймо нагнулся над отверстием, стараясь разглядеть, что творится на дне трюма. Но слабые блики не доставали до днища, расслышать же плеск воды — если он был — мешали вопли киммерийца.

— Нагнись ниже, олух! — орал Конан. — И соображай скорее! Вода дошла мне уже до колен!..

Чеймо вытянул шею, как только мог, начисто позабыв об осторожности. Он увидел совершенно сухие доски, припорошенные соломой, но возмутиться и выругаться уже не успел. Крепкие пальцы киммерийца сошлись у него под подбородком и рванули вниз, Хауранец хотел позвать на помощь напарника, но смог издать лишь хриплый клекот. Впрочем, глядя на судорожно дергающееся, пытающееся высвободить голову тело, Елгу мог догадаться обо всем случившемся. Если, конечно, он не был полным идиотом…

От страха Чеймо выронил факел. Конан дернулся было, чтобы поднять его, но передумал: для этого пришлось бы выпустить тощую шею врага. Пламя быстро перекинулось на тюфяк, набитый соломой…

— Ну и повезло же акулам! — захохотал киммериец, — Им достанется жареное мясо!..

Чеймо еще сильнее задергался. Глаза его выпучились и помутнели, с губ пошла пена.

— Быстро прикажи своему идиоту открыть люк! — велел ему Конан. Сообразив, что не только приказ, но и членораздельное слово в таком состоянии произнести невозможно, он ослабил пальцы на шее врага. — И поскорее! Иначе я откручу тебе голову и буду гасить огонь твоей кровью!..

* * *

К счастью, Елгу не слишком долго возился, отодвигая тяжелые ящики и освобождая крышку люка. Огонь удалось сбить, прежде чем он успел нанести существенные повреждения судну. Перепачканные с ног до головы сажей, усталые и взмокшие, трое разбойников из шайки рыжей Карелы лежали вповалку на палубе, отдыхая и глубоко дыша, чтобы проветрить легкие от въедливого дыма.

Конан как ни в чем не бывало растянулся поперек баркаса, положив руки под голову и прикрыв веки. Со стороны могло бы показаться, что он дремлет, но впечатление было обманчиво. Сквозь ресницы киммериец внимательно наблюдал за своими двумя спутниками. От него не укрылось, что сразу же, едва миновала опасность пожара, Чеймо нацепил на пояс свой меч, а Елгу словно невзначай поигрывал рукоятью длинного ножа. Варвар усмехнулся в душе. Неужели эти два грязных и слабых недоумка рассчитывают, что сумеют загнать его в трюм или каким-то иным образом с ним справиться?.. Да он побросает их за борт голыми руками, как котят!.. Конан только ждал повода, чтобы начать расправу над предателями, и втайне досадовал, что они медлят.

Однако киммериец недооценил хитрость своего противника. Послав Елгу к рулю, Чеймо присел возле распростертого тела Конана и зашептал в обычной своей, вкрадчиво-наглой манере:

— Ты победил, киммериец… Твоя выдумка с пробоиной была великолепна! Теперь ты можешь диктовать свои условия, но только прежде послушай меня. Судя по всему, остров Заремоо появится вскоре после рассвета. В любом случае нам необходимо будет высадиться на него, хотя бы ненадолго: во-первых, кончились запасы пресной воды, во-вторых, огонь изрядно попортил днище в трюме, и без ремонта судно и впрямь может дать течь. Выдумка твоя станет явью, и акулы наконец-то плотно пообедают!

— Пообедают, но только вами, — поправил его Конан. — Я не так уж плохо держусь на воде.

— Не сомневаюсь, что ты отлично плаваешь!.. — подобострастно откликнулся хауранец. — Но в эти края очень редко забредают торговые и рыбацкие суда. Может пройти целая луна, прежде чем тебя кто-нибудь заметит… Ты лучше слушай, что я предлагаю! На остров Заремоо просто так заходить нельзя. Есть одна-единственная причина, по которой их правитель и Великий Жрец Архидалл разрешит ступить ноге чужеземца ва их землю: если им привозят молодого и сильного пленника. За такого они отваливают столько золота, сколько этот пленник весит. Врать не стану, я собирался разбогатеть и вести спокойную и сытную жизнь до глубокой старости, продав тебя, Конан. О, я великий глупец! Будь трижды проклята моя убогая голова!..

— Да нет, ты не так уж глуп, — спокойно заметил киммериец. — Глупец попытался бы загнать меня мечами и ножами обратно, в обгорелый трюм. А ты же полагаешься лишь на свой гибкий язык и пытаешься затуманить мне мозги.

— Не затуманить, нет-нет! Дослушай меня, и тебе все станет ясно. Елгу молод и довольно силен. Мы продадим его Великому Жрецу вместо тебя! А полученное золото поделим. Мы поделим его не пополам, Конан, о нет! Я очень виноват перед тобой, поэтому ты возьмешь себе две трети, а я лишь одну треть. Поверь мне, это огромные деньги! Тебе долго потом не придется заниматься разбоем!..

— А ты не подумал, что, когда ты будешь стоять за рулем, ко мне подойдет Елгу и предложит продать Великому Жрецу тебя? — с усмешкой спросил киммериец.

Чеймо захлебнулся смехом.

— Не предложит! Великий Жрец Архидалл оскорбится, увидев такого, как я, и это может плохо кончиться! Для них очень важно, чтобы пленник был молод и высок, с гладкой кожей и могучими мускулами. От такого, как я, они придут в ярость!..

Отвернувшись от дергающегося в спазмах веселья хауранца, Конан задумался. Пожалуй, не так уж умен и хитер этот проныра. Во всяком случае, в людях он явно ничего не смыслит, если решил, что ради груды золота — пусть даже и в две трети веса крепыша Елгу — киммериец откажется воздать должное подлецу и предателю. Что ж, пусть пребывает пока в блаженном неведении…

— Как я могу верить, что ты не пытаешься надуть меня, если я до сих пор безоружен? — спросил он с иронией. — Пока при мне нет моего меча, я по-прежнему ваш пленник.

— О, прости меня! Как я сразу не сообразил! — пылко воскликнул Чеймо. — Твоего меча, к сожалению, у меня нет. Мы оставили его в Султанапуре, но он в надежном месте, не беспокойся. Я сразу же верну твое оружие, лишь только мы вернемся назад. Пока же, сделай милость, возьми мой!

Он отцепил от пояса ножны и протянул оружие Конану. Тот вытащил лезвие и придирчиво провел по нему пальцем.

— С моим мечом эта ржавая железка не идет ни в какое сравнение… Но так уж и быть! Что же касается великих жрецов и золота — я еще подумаю…

Елгу, стоявший за штурвалом, не мог слышать их разговора, но передачу меча заметил, отчего физиономия его вытянулась, а взгляд стал злобно-недоумевающим. Улучив удобный момент, Чеймо подошел к напарнику и бросил ему несколько фраз с нарочито небрежным выражением лица.

Киммериец заметил, как Елгу облегченно выдохнул и распахнул губы в улыбке.

«Ладно, ладно! — усмехнулся про себя Конан. — Веди свою двойную игру, змеиный выкормыш! Сдается мне, Великий Жрец Архидалл получит сразу двух пленных, даже если вид одного из них ему не слишком понравится!..»

Даже безоружный, Конан обрел уверенность в своих силах, лишь только вырвался из тесного трюма, а уж сжимая в ладони рукоять меча, он и вовсе готов был встретить неведомую, надвигающуюся из-за горизонта судьбу с самой непринужденной и беспечной улыбкой.

* * *

Как и рассчитывал хауранец, благодаря ровному попутному ветру судно достигло цели своего путешествия вскоре после рассвета.

Медленно надвигающийся таинственный остров Заремоо издали напоминал одну высокую гору, взметнувшуюся из зеленых морских вод. Рельеф этот был очень странным, если учесть, что все острова моря Вилайет, как правило, были равнинными, либо их украшали голые скалы высотой не более пятидесяти локтей. Гора вздымалась на высоту не менее двухсот локтей, имела правильную форму усеченного конуса и была светло-песочного цвета. Довольно скоро стало ясно, что она имеет искусственное происхождение. Постепенно, по мере сокращения расстояния между баркасом и берегом, вырисовывалось грандиозное и величественное архитектурное сооружение, нагонявшее своими нечеловеческими размерами невольное благоговение.

Больше всего здание-гора напоминало ступенчатую пирамиду, но каждая ступень ее была очень длинной и широкой — не ступень, а целая платформа. О самую первую из них плескались волны, самая последняя убегала к облакам. Центральная часть сооружения напоминала дорогу шириной в двадцать-тридцать локтей, ведущую на плоско срезанную вершину. По левую и правую стороны от нее виднелись какие-то сооружения нормальных размеров — казавшиеся по контрасту совсем крохотными, — зеленели кроны деревьев и кустов, блестели слюдяные окошки. По-видимому, все жилые дома островитян располагались на ступенях-платформах, и гигантская искусственная гора несла на себе и представляла собой целый город.

Самая нижняя и самая широкая ступень была свободна от домов и построек. Она представляла собой нечто вроде большой четырехугольной площади, непосредственно примыкающей к морю. К тому моменту, как рыбачий баркас причалил к ее мраморному краю, вся площадь была заполнена людьми. По-видимому, прибытие чужаков было большим событием, и на встречу с тремя разбойниками высыпало все население острова.

Двумя ровными шеренгами слева и справа от начала вертикальной дороги выстроились солдаты. Одеты они были так, как обычно одеваются все туранские воины, — в прочные кожаные доспехи, но было и существенное отличие: каждый из них имел при себе очень длинный щит из светлого блестящего металла. Верхним своим концом щит прикрывал нос и подбородок, нижним доставал до ступней. Судя по всему, металл был необыкновенно легким, так как солдаты держали щиты без видимых усилий. Блики солнца отражались в сотне блестящих поверхностей, придавая воинской шеренге праздничный вид.

За спинами солдат виднелись остальные жители: женщины, старики, ребятишки. Насколько мог разглядеть киммериец, по внешнему виду они почти не отличались от обыкновенных туранцев. Разве что все были одеты в приличную и добротную одежду. Конан не заметил ни одного нищего, ни одного грязного оборванца. На многих женщинах блестели золотые украшения, а одежды их радовали глаз яркостью тканей.

Несмотря на многолюдность, было очень тихо. Даже маленькие дети не пищали и не шумели, чинно вцепившись в юбки своих матерей. Конан, Чеймо и Елгу пришвартовались и выпрыгнули на берег в полном молчании, нарушаемом лишь топотом их ног и звяканьем цепи на носу баркаса. Тишина эта показалась киммерийцу недобрым знаком, и он открыл было рот, чтобы нарушить ее, но Чеймо предостерегающе зашипел и поднял вверх палец.

Ровно посередине между правой и левой шеренгой солдат, спиной к убегающей вверх ступенчатой дороге, стоял высокий человек в ниспадающих одеждах светло-серебристого цвета. В его седых, серебрящихся, как и одежда, волосах блестел обруч, украшенный драгоценными камнями. Судя по цвету волос, ему было не меньше семидесяти лет, но бронзово-смуглая кожа на лице была упругой и почти без морщин. Небольшие, но ярко блестящие черные глаза смотрели с величавым спокойствием. Крупный нос с орлиной горбинкой, тонкие губы и узкие скулы выдавали высокое происхождение. В посадке красивой головы, осанке и взоре читалась очень давняя, возможно доставшаяся по наследству, привычка повелевать.

Чеймо сделал несколько торопливых шагов навстречу величавому старику и низко поклонился ему.

— Приветствую тебя, о Великий Жрец Архидалл! — воскликнул он громко и благоговейно.

Старик ответил на поклон легким движением подбородка.

— Приветствуем и тебя, чужеземец, привезший нам Юного и Вечного Бога!

Конан оглянулся на Елгу, изумленно распахнувшего рот за его спиной. Более придурковатое и жалкое божество трудно себе вообразить! Воистину, эти затворники-островитяне — странный народец…

— Но я вижу вместе с тобой не одного, а двух молодых мужчин, — продолжал Великий Жрец. — Что это значит?

— О, Великий Жрец Архидалл! — Чеймо поклонился еще раз, ниже прежнего. — Помня, что ты был не совсем мной доволен в последний мой приезд, я решил привезти тебе двух. Они оба молоды, сильны и хороши собой. Ты сам выберешь из них Юного и Вечного Бога. Оставшийся же тоже найдет применение. Он сможет работать на тебя, как раб. Он сможет быть принесен в жертву во имя Бога!..

Едва лишь в мозгу Конана сверкнул смысл этого подлого предательства (уже второго!), как рука его выхватила меч, а ноги рванулись в направлении маячившей перед ним узкой спины хауранца. Кром! Он разрубит мошенника на сорок кусочков!!!

Но Чеймо ожидал этого. Даже не оборачиваясь, он мгновенно скользнул за высокую спину Жреца. На пути Конана тут же выросли живой блистающей стеной солдаты.

— Прочь!!! — заорал киммериец, вздымая меч. — Не мешайте мне расправиться с предателем!

Но солдаты сдвинулись еще плотнее и также обнажили мечи. Конан нанес мощный удар, и лезвие звякнуло о щит. Взметнулся сноп синих искр, и меч сломался, словно был не из стали, а из хрупкого стекла. Проклятие!.. Киммериец в растерянности повертел в руке бесполезный теперь обломок. Конечно, у Чеймо не могло быть добротного меча, но не до такой же степени?! Либо — лезвие ни при чем, и все дело в необычном, светло-блестящем металле, из которого выкованы щиты?..

Воспользовавшись заминкой врага, Чеймо быстро заговорил, обращаясь к Жрецу:

— Этот человек очень силен и очень опасен! Нельзя спускать с него глаз ни на миг. Прикажи своим воинам схватить его! И, умоляю тебя, выбери поскорее Бога, ибо я хочу как можно скорее вернуться назад, в Султанапур!

Жрец отдал негромкое приказание, и его солдаты, оттеснив Конана в сторону, взяли его в плотное кольцо. Каждый из них по-прежнему от подбородка до ступней прикрывался щитом, а в руке сжимал обнаженный меч. Нечего было и думать прорваться сквозь этот живой заслон.

Оглянувшись, Конан увидел, что в точно таком же блестящем кольце солдат растерянно озирается Елгу, даже не попытавшийся вытащить из-за пояса свой жалкий нож.

— Ты говоришь: выбери, но разве может быть какой-нибудь выбор между этими двумя? — величественно и неторопливо заговорил Жрец, обращаясь к Чеймо. — Неужели ты сам не видишь разницы? Ты не можешь определить разницу между львом и шакалом? Между орлом и перепелкой?.. Зачем ты привез двух мужчин, если нужен всего один? Не нарушил ли ты свою клятву, чужеземец?

— Нет-нет! — испуганно замотал головой хауранец. — Я не нарушал клятвы! Я никому ничего не рассказывал об острове Заремоо! Я привез тебе двух, потому что… потому что тот, второй, он тоже неплохой воин, совсем неплохой! И он очень хорош собой, если его отмыть хорошенько!.. Он растерялся, увидев твое войско, но прежде он не был таким трусливым. Он не был шакалом и не был перепелкой, таким он стал от грозного вида твоих воинов. Клянусь Митрой, я хотел как лучше, хотел, чтобы был выбор!..

— Как ты смеешь клясться Митрой? — спокойно, но грозно спросил Жрец. — Как ты смеешь здесь, в этом священном месте, где нисходит на землю Бог единственный, Бог истинный, — называть имя другого, самозваного божества?!

Чеймо затрясся и уменьшился ростом в полтора раза.

— О, прости меня, Великий Жрец! Не знаю, как у меня вырвалось… По привычке… Я хотел поклясться матерью…

Жрец коротко кивнул и отвернулся, словно потеряв к нему интерес. Он приблизился к солдатам, окружавшим Конана. Повинуясь его жесту, один из них, стоящий за спиной киммерийца, тремя точными и резкими взмахами меча разрезал одежду пленника. Остальные солдаты отступили на два шага, расширив свой круг и пропустив в него величественного Архидалла. Жрец медленно обошел кругом совершенно обнаженного, закусившего от унижения губу варвара. Взгляд его был цепок и внимателен.

— У меня не хватает одного зуба! — дерзко бросил ему киммериец, стараясь не выдать, как мучительно для его гордости подобное разглядывание. — Могу показать!

— В этом нет нужды, — бесстрастно ответил Жрец. — Мы вставим тебе зуб из золота.

— А еще у меня крупная шишка на голове! А в пятке правой ноги — заноза!..

Этот выпад Архидалл проигнорировал. По-видимому, оставшись довольным результатом осмотра, Жрец вышел из круга, и солдаты снова сдвинулись.

— Мы принимаем Юного и Вечного Бога, которого ты привез нам, — сказал он, обращаясь к Чеймо, сгоравшему от нетерпения во все продолжение осмотра. — Сейчас ты получишь обещанную за него награду.

Архидалл прошел несколько шагов к левому краю площади, где находилось сооружение из двух крупных чугунных дисков, соединенных между собой металлическими сочленениями. Когда под нажимом солдат Конан встал на один из дисков (другой тут же поднялся вверх, на высоту двух локтей от земли), он сообразил, что это всего-навсего большие весы, подобные тем, что стоят на рынках, где продают зерно, соль и сахар.

Жрец отдал негромкое повеление, но уже не солдатам, а благоговейно тихой толпе. Одна за другой из нее стали выходить женщины. Они снимали с рук и лодыжек золотые браслеты, стягивали через голову ожерелья из блестящих монет, освобождали от колец пальцы — и все это опускалось на верхнюю чашу весов. Несколько стариков и старух, покопавшись во рту, бросали в общую кучу кто один, кто два зуба… Совсем маленькие девочки вынимали сережки из ушей. Наконец, из шеренги солдат по одному стали выходить мужчины в кожаных доспехах. Одни бросали кольцо, другие — серьгу, третьи — отцепляли пряжку, скреплявшую плащ под подбородком…

Киммериец стоял совершенно спокойно, расставив ноги и скрестив руки на могучей груди. Лишь судорога, то и дело пробегавшая по коже спины, могла показать, насколько унизительно для него стоять обнаженным на виду чужеземной равнодушной толпы и чувствовать себя жеребцом, выставленным на торги. И то, что цена этого жеребца была фантастической, нисколько не уменьшало его горечи и его ярости…

Пустой чугунный диск дрогнул и пошел вниз, когда один из воинов бросил массивный перстень, с усилием содрав его со своего мизинца. Радостный вздох прошелестел по толпе.

— Забирай все это золото, чужеземец, и возвращайся назад, — произнес Великий Жрец, указывая дрожащему от радостного возбуждения Чеймо на сверкающую груду. — Только перед этим повтори ту клятву, которую ты давал в прошлый раз. Поклянись жизнью тела твоего и спокойствием души твоей, что никому не расскажешь о том, что был здесь.

Поклянись, что никому не укажешь ты пути к нашему острову.

— Клянусь! — пылко воскликнул хауранец. — Клянусь жизнью своей души и спокойствием своего тела… то есть наоборот! Клянусь всем, чем хочешь, Великий Жрец! Ни одна душа не узнает! Будь я проклят!

Чеймо бросился к баркасу и тут же вернулся, прихватив два прочных мешка, куда стал торопливо складывать свои сокровища.

— Чтоб оно прожгло тебе руки, это золото! — громко пожелал ему Конан. — Чтоб ты подавился им! Чтоб твой трюм провалился под его тяжестью!

Хауранец даже не обернулся. Все помыслы его были устремлены на то, чтобы как можно скорее загрузить золотом баркас и покинуть остров. Один мешок он уже наполнил и принялся за второй.

От мысли, что враг его вот-вот окажется в открытом море, верхом на немыслимом богатстве, злорадно смеясь над преданными им двумя простаками, у Конана вырвался непроизвольный горестно-яростный рев. Эти звуки заставили Чеймо на миг отвлечься от золота.

— Не стоит так убиваться! — крикнул он, усмехнувшись. — Ведь ты теперь божество! Вечный и Юный Бог! Тебя осыплют и не такими дарами…

Конан чуть было не вцепился подлецу в глотку, но перед ним опять вовремя вырос блестящий живой заслон из солдат. Киммериец перевел дыхание и приказал себе успокоиться. Внезапная мысль осенила его.

— Великий Жрец! — обратился он, повернувшись к величественному старику. — Ты сказал, что в прошлый приезд сюда этот червь в обличье человека в чем-то клялся тебе?..

Архидалл молча кивнул головой.

— Кажется, он клялся, что не расскажет ни одной живой душе о вашем острове?.. — продолжал киммериец с затрепетавшим от надежды на сладостную месть сердцем.

Великий Жрец кивнул, не снисходя до слов.

— Так вот, он нарушил свою клятву! — Конан почувствовал внутреннее сопротивление, выкрикивая эти слова: он не привык расправляться с врагами таким образом, но что делать, если иной возможности у него не было. — Он рассказал о вашем острове и ваших обычаях своему напарнику. Вон ему! — Он кивнул в сторону Елгу, замершему в кольце солдат с самым растерянным и глупейшим выражением лица.

— Это правда? — повернулся Великий Жрец к хауранцу, чьи руки продолжали суетливо укладывать в мешок золотые безделушки, в то время как щеки приобрели сероватый оттенок, а на лбу выступила испарина.

— О, нет! Не верь ему, Великий Жрец! — не прекращая своего занятия, залепетал Чеймо. — Он готов соврать что угодно, лишь бы отомстить мне! Ведь он не знает, что вы оказываете ему величайшую честь и он должен был бы благодарить меня и возносить молитвы за мое здоровье!.. Я никому ничего не рассказывал. Мне пришлось немного схитрить, не спорю, но разве мог бы я без хитрости справиться с ними двумя?..

— Не верь ему, Великий Жрец! — снова подал голос Конан. — Он не собирался везти тебе двух пленников на выбор. Он уготовил эту роль одному мне. А этого придурковатого молодчика он взял себе в помощники, обещав поделить награду поровну. Именно он огрел меня по голове, когда мы возвращались ночью из кабака в Султанапуре! Я был изрядно пьян, иначе ему бы не поздоровилось!

— Он врет, врет, врет! — Чеймо оторвался, наконец, от золота и выпрямился во весь

рост.

— А потом он, видно, решил, что лучше ничего не делить, а все золото взять одному себе! — продолжал Конан, усмехаясь и сверкая жесткими синими глазами. — Как можешь ты, Великий Жрец, верить его клятве? Да он предаст родную мать и родного отца, он наплюет на всех богов в мире, вместе взятых, если ему почудится хотя бы слабый звон золота!..

Великий Жрец кивнул, показывая, что принял к сведению слова киммерийца. Властным движением ладони он остановил возмущенные вопли Чеймо и, сделав несколько шагов, остановился перед Елгу, окруженным кольцом солдат.

— Это правда, что ты знал о нашем острове, знал, куда и зачем плывешь? — спросил он его. — Это правда, что ты был помощником, а не пленником и что тебе была обещана половина награды?

Голос Архидалла был спокоен и размерен, но Елгу пронзила дрожь. Он открыл было рот, но не сумел издать ни звука и только быстро-быстро закивал головой.

— Не верь ему, Великий Жрец! Он тоже тебя обманет! — снова запричитал Чеймо хриплым от подступающего ужаса голосом. — Они оба лгут тебе, чтобы отомстить мне! Они сговорились!..

— У них не было возможности сговориться, — заметил Жрец. Во взгляде, который он обратил на хауранца, читалась явная гадливость. — Тебе не было нужды привозить сюда двоих мужчин. Конечно же, один из них — твой напарник, которому ты все рассказал. Ты нарушил свою клятву. Если ты уедешь отсюда живым, ты расскажешь еще кому-нибудь, а потом еще и еще. Множество искателей легкой наживы ринутся сюда, к нашему священному острову. Этого допустить нельзя! Ты умрешь, лживый чужеземец с гнилым сердцем. Тебя постигнет та же участь, которую ты предлагал для своего напарника: вы оба будете принесены в жертву.

Чеймо грохнулся на колени и пополз к Жрецу, виляя узким задом.

— Пощади меня! Я нарушил клятву, но только для того, чтобы привезти тебе сильного и могучего Бога! Один я бы ни за что не справился с ним! Пощади меня! Я отплачу за твою милость! Не надо мне золота, только отпустите меня обратно!

Великий Жрец сделал короткий жест рукой, и хауранец оказался в кольце солдат, точно так же, как Конан и Елгу. Три ровные, блестящие живые окружности застыли на площади, тесно сдвинув щиты. Лица у воинов были бесстрастны и непроницаемы, как и у их повелителя.

— Ты заслужил свое золото, потому что привез нам хорошего Бога. Возьми же его, — сказал Архидалл. По его кивку двое солдат высыпали остатки золотых безделушек в мешок и подтащили оба мешка к Чеймо. — Ты насладишься им сполна. Им заполнят твою могилу.

Конан почувствовал к Жрецу невольное уважение. Засыпать золотом могилу труса и предателя только потому, что он формально его заслужил, — красивый жест! Мало кому под силу такое. Киммериец обвел глазами лица солдат и женщин, стараясь определить, не ропщут ли они, что их драгоценности, великодушно брошенные в общую кучу, будут погребены под землей. Но островитяне были спокойны и невозмутимы.

Чеймо глухо всхлипывал, не вставая с четверенек. Солдаты подвели к нему Елгу, и из двух кругов образовали один. Незадачливый обожатель Рыжей Карелы, должно быть, не слишком отдавая себе отчет в самой ближайшей своей судьбе, протянув руку и распахнув рот, зачарованно ощупывал мешки с золотом…

* * *

В мраморной ванне, наполненной голубоватой водой, плавали лепестки камелий и лилий. Теплая ароматная вода нежила усталое тело. Не привыкший к такой утонченной роскоши киммериец чувствовал себя как боевой конь, который вдруг очутился не в своей привычной конюшне, пропахшей навозом и сеном, но в покоях, устланных коврами и обрызганных благовониями.

Две юные девушки в легких светлых одеждах помогали ему мыться и подливали теплую воду. Девушки были хорошенькие и грациозные, но киммерийца смущало благоговейно-строгое выражение их лиц. Они полностью игнорировали его заигрывания, многозначительные взгляды и поощрительные улыбки. На его вопросы они отвечали односложно либо молчали. Они делали свое дело так сосредоточенно и серьезно, словно перед ними был не молодой и довольно-таки пригожий чужеземец, искренне к ним расположенный и лишенный одежд, но убеленный сединами старец.

Закончив процедуру омовения, девушки просушили его кожу мягкой тканью, а затем облачили в белую, ниспадающую до пят мягкими складками одежду. Она была похожа на ту, которую носил Великий Жрец. Только на груди, на уровне сердца, было выткано золотыми нитями изображение солнечного диска с расходящимися во все стороны лучами. Что-то в этом изображении показалось Конану не совсем обычным. Приглядевшись, он увидел, что каждый солнечный луч кончается небольшой ладонью. Пальцы этих ладоней, совсем крохотные, были вытканы с большим искусством. Казалось, они шевелятся, живут, то сжимаясь в кулаки, то расправляясь, маня, угрожая, указывая, помахивая…

Причесав густую гриву киммерийца, девушки умастили ее благовониями, невзирая на буйные его протесты.

— Что я вам, женщина! — возмущался Конан. — Вы, кажется, с кем-то спутали меня, красотки!.. Клянусь Кромом, если вы не прекратите, придется мне показать вам, с кем вы имеете дело!

Впрочем, подчиняться нежным легким пальцам было приятно, и Конан бушевал только для вида. Несомненно, все происходящее с ним было очень странно. Никогда прежде он не слыхал, чтобы купленных в рабство умащали розовым маслом и одевали в расшитые золотом ткани. О, Кром! Возможно, все это и не к добру. А может быть?.. Может быть, его собираются сделать местным королем? Может быть, народ здесь вялый, изнеженный и безвольный, и править могут только сильные воины-чужеземцы?.. И короля своего, от избытка почтения и благоговения, называют они Юным и Вечным Богом… Опасения и тревоги — весьма небеспочвенные — перемешивались в его душе со сладостными надеждами, и странная, противоречивая эта смесь возбуждала и томила. Кром! Поскорее бы все выяснилось! Нет ничего хуже, чем плавать в мутных водах загадок и недоумения.

Благоухающего, чистого и сияющего белизной одежд киммерийца Великий Жрец Архидалл встретил почтительным поклоном головы.

— Приветствую тебя, Прекрасный Бог, Юный и Вечный Бог нашего народа! Не откажись теперь подкрепить свои силы пищей и вином! Если позволишь, я разделю с тобой твою трапезу.

Конан не мог не усмехнуться. Величавый старик смотрел теперь на него совсем по-другому: радостное благоговение светилось в глубоких темных глазах. Раб, с которого

сорвали одежду на площади, унизив при огромном стечении людей, кого поставили на весы, словно скотину на рынке, превратился в могущественного повелителя! И все это из-за того, что его вымыли и приодели?.. Поскорее бы разделаться со всеми загадками этого проклятого острова!

— Я позволяю тебе разделить со мной трапезу, — величественно кивнул Конан, подавив усмешку. — Надеюсь, она будет достаточно обильна, чтобы насытить мой голод. Эти скоты кормили меня на судне лишь черствыми лепешками!

Киммериец подвергался омовению в просторном и низком мраморном здании, которое возвышалось над площадью на три ступени. Теперь, чтобы дойти до трапезной, они поднялись еще на восемь ступеней гигантской лестницы, уходящей к вершине пирамиды-горы. Воины с блестящими щитами сопровождали его и жреца на расстоянии двух шагов слева и справа.

— Сдается мне, я по-прежнему ваш пленник, а никакой не Бог, — заметил Конан, кивнув в их сторону. — Эти ребята теперь будут сопровождать каждый мой шаг?

— Таков наш обычай, — коротко ответил Жрец. — Юный и Вечный Бог не должен появляться нигде без охраны.

Яства и напитки, расставленные на огромном ковре глубокого малинового цвета, были вполне достойны того, чтобы их вкушало божество. Конан, неприхотливый и привыкший к самой грубой пище, весело перемалывал зубами нежную дичь, рыб, политых умопомрачительными соусами, засахаренные фрукты, не особенно вникая в то, что именно наполняет его рот. Вина он перепробовал все и остановился на самом крепком, опустошив целый кувшин. Великий Жрец, сидевший напротив, с тихой улыбкой наблюдал, как утоляет божество свой богатырский аппетит, пощипывая длинными пальцами виноград и пригубливая ароматное вино.

Скрытые за парчовыми портьерами музыканты наполняли помещение умиротворенными, вкрадчивыми мелодиями, в такт которым три стройные девушки в полупрозрачных накидках и шароварах танцевали, извиваясь, как длинные водоросли на дне реки.

Насытившийся и хмельной киммериец откинулся спиной на бархатные подушки и, прикрыв отяжелевшие веки, расслабясь, любовался девушками, прикидывая, с какой из них хотелось бы ему остаться наедине. Все они были достаточно хороши на его вкус, но, пожалуй, слишком серьезны. Совсем как те красотки, что поливали его ароматной водой и причесывали. Блаженное тепло разлилось по всему его телу, он чувствовал почти полное спокойствие, довольство и негу… Почти! Что-то все-таки мешало до конца раствориться в блаженстве. И это «что-то» были фигуры солдат с длинными щитами из светлого металла, дисциплинированно и неслышно замерших вдоль стены и у входных дверей.

— Скажи-ка, Великий Жрец, ты и вправду называл меня Богом вашего народа, или мне послышалось? — обратился он к Архидаллу, встряхнув головой и выходя из пассивной расслабленности.

— О, да! Тебе не послышалось, — откликнулся жрец. — Ты — Вечный и Юный Бог, вернувшийся к своему народу.

— В таком случае, ваш Бог повелевает: пусть эти молодцы с начищенными, как женские браслеты, щитами уберутся отсюда и найдут себе какое-нибудь другое занятие. Я понимаю, что они не имеют против меня ничего плохого и просто охраняют мою божественную особу. Но я уж как-нибудь сумею защитить себя сам! У меня устали глаза от бликов их металла.

— К сожалению, это невозможно, — покачал головой Жрец.

— Но почему?! — вскинулся Конан. — Разве Бог не может повелевать? Тогда в чем же его божественность, и чем он отличается от простого солдата или раба?..

— Бог может повелевать, — ответил Архидалл. — Бог может все. Приказывать, повелевать, насылать на землю грозы и бури, разрушать горы, наказывать нечестивых…

— Вот-вот! Ты же сам говоришь! Бури насылать мне пока что-то не хочется, и нечестивых я пока подожду наказывать, но вот охрана мне мозолит глаза! Пусть убираются прочь! Я приказываю.

Архидалл почтительно склонил голову, но в голосе его прибавилось твердости:

— Бог может повелевать, приказывать, сдвигать горы и потрясать землю, но только после того, как произойдет Великое Воссоединение. До этого он должен подчиняться правилам и ритуалам.

— И когда же произойдет это самое Воссоединение? — поинтересовался киммериец иронически.

— О, очень скоро. Всего через четыре дня. Спустя этот короткий срок, ты сможешь не только обходиться без охраны, но посылать дождь, гасить и зажигать звезды и поражать молниями вызвавших твой гнев.

Конан глубоко вздохнул и помотал головой. Кром!.. Туман загадок не желал рассеиваться, несмотря на все его усилия, но становился гуще. У него возникло сильное желание схватить блюдо с обглоданными костями куропатки и запустить Жрецу в его строго-почтительную физиономию, обрамленную благородными сединами. Конан едва подавил в себе этот порыв.

— Ну, хорошо, — сказал он миролюбиво. — А что будет, если божество разгневается прямо сейчас? Молний у меня под рукой сейчас нет, но их вполне могут заменить эти пустые кувшины и грязные блюда. Что, если они обрушатся на твою голову, почтенный Архидалл?..

— В таком случае солдаты будут вынуждены схватить тебя и крепко держать, — с горделивой печалью ответил Жрец. — До самого Великого Воссоединения они будут окружать тебя вплотную и следить не только за каждым твоим шагом, но и за каждым движением пальца.

— А потом? Что будет потом?.. — спросил киммериец.

— Потом будет то, чему предназначено быть. Произойдет великая мистерия Воссоединения, и Юный и Вечный Бог будет милостиво и справедливо править нами.

— Что ж, придется подождать Воссоединения, — вздохнул Конан.

Странные и многозначительные слова Жреца не успокоили его тревожных подозрений, но, наоборот, усилили. Но вряд ли можно выведать что-нибудь толком у этого закованного в броню родового и жреческого величия старика. Может быть, у него появится другой собеседник, с кем дело пойдет успешнее?..

— Не прогуляться ли нам? — спросил киммериец с беспечной интонацией. — Мне было бы любопытно как следует осмотреть ваш удивительный город.

— О, да! Мы обязательно осмотрим его, — откликнулся Жрец. — Но только прежде нам предстоит выполнить одну приятную процедуру.

Конан насторожился.

— Это еще какую?! Хватит с меня того, что меня облили вонючей дрянью и нарядили в белый балахон, словно рыночного шута! Никаких процедур я больше терпеть над собой не намерен!

Жрец улыбнулся.

— Я уверен, что эта церемония придется тебе по вкусу. Тем более, что она не займет много времени. Дело в том, что Богу, как и людям, сынам его, не полагается быть одному. Рядом с ним должна находиться Богиня. И не одна, но четыре богини, ибо четыре — священное число, опора и столп мироздания.

— Богиня?.. — опешил киммериец. — Четыре богини?..

Он усиленно ворочал мозгами, прикидывая, что лучше: одна или четыре, и не лучше ли отказаться сразу от всех. Впрочем, вряд ли ему удастся хоть от чего-нибудь отказаться здесь! Хитрый и уклончивый Жрец опять забубнит, что он будет повелевать и швыряться молниями после Воссоединения. Пожалуй, четыре лучше, чем одна, ибо число это сулит некоторый выбор.

— Что ж, я согласен! — воскликнул Конан. — Конечно, если богини эти не стары и не уродливы. И если меня не будут больше переодевать, мыть и обрызгивать благовониями.

— Разве богини могут быть уродливыми? — укоризненно спросил Жрец. — Они прекрасны! Они вполне достойны тебя, достойны своего божественного супруга. Переодеваться и мыться не надо. Процедура будет очень короткой. Красивейшие и достойнейшие дочери моего народа сгорают от нетерпения, ожидая тебя.

Он негромко хлопнул в ладоши, и тут же, раздвинув тяжелые портьеры, из соседних покоев вышли четыре девушки. Все они были одеты одинаково: в длинные, ниспадающие до пят балахоны из легкой ткани. В отличие от Конана, цвет их был не белый, но светло-голубой. На груди у каждой было тоже вышито золотое солнце с лучами-руками, но меньшего размера. Цвет камней и форма украшений были разными, видимо, чтобы богини хоть как-то отличались друг от друга.

Конан внимательно рассмотрел каждую. Все они были типичными дочерьми Турана — сухощавые, смуглые, с очень черными бровями и волосами цвета воронова крыла, с удлиненным разрезом темных глаз. Самой старшей было лет двадцать пять. В волосах ее прозрачными каплями солнечного заката горели розовые рубины. Высокая грудь вздымалась взволнованно, полные яркие губы подрагивали от робости и радостного нетерпения. Девушка рядом с ней казалась совсем ребенком, не больше пятнадцати лет. Тоненькая, как юное деревце, она переступала с ноги на ногу и часто-часто моргала. Мохнатые ресницы трепетали, как маленькие опахала.

Среди ее украшений преобладали беспечно-голубые аквамарины. Третья невеста, украсившая себя жемчугами, чем-то неуловимым напомнила Конану Рыжую Карелу. То ли улыбкой своей — насмешливой и немного дерзкой, то ли разрезом раскосых глаз с прыгающими в них озорными искрами.

Наконец, последняя отличалась несколько тяжеловесной, чрезмерно правильной, словно выверенной по линейке, красотой. Алмазы оттеняли совершенство этой красоты, но не могли смягчить горделиво-угрюмого выражения лица с поджатыми губами и насупленными бровями.

— Ты был прав, Великий Жрец, все они хороши собой и достойны стать богинями! — заключил Конан, удовлетворившись разглядыванием. — Жаль только, что на них такие же нелепые одеяния, что и на мне. Не могли бы они переодеться во что-нибудь более веселое?

— К сожалению, нет, — ответил Архидалл. — Это священная одежда, и, став богинями, они не могут сменить ее ни на какую другую.

По знаку Жреца Конан поднялся с ковра и остановился напротив четырех девушек.

Архидалл соединил его руку с ладонью крайней из них и с торжественным пафосом произнес:

— Юный и Вечный Бог берет в жены прекрасную Сульфиду и нарекает ее своей возлюбленной богиней.

То же самое он проделал с остальными тремя девушками, изменяя лишь имя новобрачной. Процедура и впрямь не отличалась особой сложностью и многословием. Конан мельком подумал, что даже в варварских странах, вроде его родной Киммерии, сочетающиеся браком уделяют этому больше времени и обставляют с большей торжественностью.

— О, вернувшийся Бог! Ты выразил желание осмотреть наш город? — обратился к нему Жрец, покончив с лаконичной церемонией. — Твои жены покажут тебе его. Мне же позволь оставить тебя до завтрашнего утра.

Конан милостивым кивком позволил ему это. Прогуляться по городу в компании четырех девушек, только что очень быстро, безо всяких проволочек, ставших его женами, показалось ему намного предпочтительней, чем слушать величаво-непонятные речи Великого Жреца.

Если б не эскорт солдат, сопровождавших его на расстоянии трех шагов неотлучно, куда бы он ни пошел, настроение киммерийца было бы совсем прекрасным. Девушки угадывали его желания с полуслова-полужеста, они не сводили с его лица восхищенно-преданных глаз и отвечали на все его вопросы почтительно и поспешно. Другое дело, что порой их ответы еще больше нагоняли туман загадочности, вместо того чтобы его рассеять.

Чаще всех на вопросы отвечала Зейла, та самая девушка, бойкая и насмешливая, что напоминала Карелу. Хотя она была не самой красивой из всех — явно уступала угрюмой Сульфиде и юной Айше, — но Конана влекло к ней больше, чем к остальным, и, несомненно, причиной этого было сходство с зеленоглазой предводительницей разбойников. Как-то само собой получилось, что гладковолосая ее головка с жемчужной диадемой очень тонкой работы оказалась возле правого его плеча, и Конан то и дело обнимал девушку и наклонялся к ней, чтобы лучше расслышать ее торопливые пояснения ко всему им увиденному. От внимательных глаз киммерийца не укрылось, что от этих нежностей горделивая Сульфида еще больше помрачнела и сдвинула брови, а пышногрудая Хайола то и дело вздыхала украдкой.

Как поведали Конану, гигантская пирамида-башня строилась несколько столетий, с тех самых пор, как небольшая группа поклоняющихся истинному Богу переселилась на остров с туранского побережья. И она продолжала строиться: год за годом все новые мраморные ступени, каждая следующая уже предыдущей, воздвигались одна над другой. И так будет до тех пор, пока ступень не окажется такой маленькой, что только один человек сможет стоять на ней. Когда это случится, откроются двери на небо, и все жители острова, без исключения, от грудных младенцев до стариков, поднимутся один за другим и переселятся в небесную страну, где никто никогда не болеет и не умирает, где не нужно будет ни работать, ни воевать, ни рожать детей.

Рабов на острове нет. Поэтому строят пирамиду свободные люди, мужчины, но это не слишком утомительно, потому что перемежается иными занятиями: воинской службой, добычей драгоценных металлов, которыми очень богат остров, продажей этих металлов в иных краях, возделыванием садов и огородов и прочими хозяйственными делами. Женщинам работать не полагается. Они воспитывают детей и возносят молитвы Богу. Услышав последнее, Конан не мог не усмехнуться с недоверием:

— Почему же тогда Великий Жрец у вас — мужчина?

— У нас есть и Великая Жрица! — ответила Зейла и, оглянувшись по сторонам, понизила голос: — Но о ней нельзя говорить просто так! И видеть ее нельзя. Благодаря ей Бог никогда не гневается на нас и оберегает от всех врагов. Именно Великая Жрица — конечно, не та, которая у нас сейчас, а ее прапрапрабабушка — когда-то очень давно заставила наш народ погрузиться на корабли и приплыть на этот остров. Она сама указывала путь кораблям. Этот остров — настоящий подарок Бога своему народу: на нем благодатная почва, в которой растет все, что ни посадишь, а в глубине его — стоит только немного потрудиться — металлы, из которых можно выплавить все что угодно, и драгоценные камни, и много чего еще!

— И не скучно этой вашей Жрице все время сидеть взаперти в башне? — спросил Конан. — Любопытно было бы на нее поглядеть!

— Но ты увидишь ее! — воскликнула Зейла, отчего-то шепотом. — И мы, четверо, тоже ее увидим. Ведь без ее участия не может происходить Великое Воссоединение.

— А ну-ка, придержи язык! — резко одернула ее Сульфида. — Ты, кажется, забыла, о чем ты вправе болтать, а о чем нет.

— О чем же это жена не вправе болтать со своим мужем? — с живым интересом оглянулся на нее Конан. — Какие такие тайны могут быть у богинь от своего Бога?

Сульфида не ответила, еще суровее сдвинув брови, а порозовевшая Зейла ответила выразительным взглядом и вздохнула.

— Сдается мне, вы не слишком-то походите на богинь, — заметил киммериец, приобняв ее крепче и ласково потрепав по плечу. — Слишком осторожные, слишком напуганные. Разве могут богини бояться какую-то Жрицу? Это дело жрецов — трепетать и падать ниц перед богами!

Но от таких его слов Зейла смутилась еще больше и опустила голову, а суровая Сульфида закаменела лицом и сжала губы. Остальные две девушки тоже всем видом своим выказывали смущение и опаску.

Как ни пытался Конан выведать у них что-нибудь относительно загадочной Жрицы и не менее интригующего обряда Великого Воссоединения, девушки словно воды в рот набрали. Они говорили весьма много и охотно, но о том, что совершенно не занимало киммерийца: где и что произрастает на острове, сколько лет самым древним его старикам, чему обучают они своих детей и сколько раз за всю его историю случались здесь наводнения и землетрясения.

Конан выразил желание взглянуть на таскающих мраморные плиты мужчин, и его обвели вокруг пирамиды, так как строительство велось с задней ее части, не нарушая монументальную красоту фасада. Рабочие показались ему не особенно изнуренными или удрученными своим трудом, тем более что хитроумные блоки и подъемные механизмы сводили их физические усилия к минимуму. Точно такими же, не особенно напрягающимися и усталыми, показались ему те, кто возился на огородах, подновлял стены домов, готовил пищу на глиняных очагах под открытым небом. Ни одной работающей женщины он не заметил: видно, девушки не соврали, женщины здесь предназначались для другого. Не раз ему попадались на глаза застывшие в разных позах фигуры с отрешенными лицами и возведенными к небу глазами, с распущенными волосами, длиной до колен или пят. По-видимому, потребность вознести молитву могла настигнуть женщину где угодно, и та без колебаний тотчас же отдавалась главному своему предназначению…

В целом прогулка получилась бы весьма неплохой, если бы ее не портили существенно два обстоятельства: ни на шаг не отходящая от них шеренга из дюжины солдат, чьи щиты сверкали не слабее полуденного солнца в небе, и упорное нежелание девушек говорить на самые интересные темы. Впрочем, относительно последнего Конан успокаивал себя тем, что девушки, очевидно, боятся друг друга (особенно властную и настороженную Сульфиду), и стоит ему остаться наедине с милой и бойкой на язычок Зейлой, как он сумеет добиться ответов на все волнующие его вопросы.

Вечерняя трапеза была еще более изысканной и обильной, чем дневная. На этот раз Конан пировал в компании не благообразного старика жреца, но в обществе своих хорошеньких жен, чем он был весьма доволен. Невидимые музыканты играли что-то очень томное и сладкое. Правда, танцовщиц в полупрозрачных шароварах не было, но Конану их вполне заменили новообретенные подруги, порозовевшие от вина, черноглазые и смешливые. Каждая из них была хороша по-своему, и даже суровая Сульфида, опустошив половину кувшина, сбросила свой жесткий панцирь и позволяла себе заливисто хохотать над грубоватыми шутками варвара.

Когда все было выпито и съедено, а уставшие музыканты перестали терзать свои струны и дудки, повисло многозначительное молчание. Четыре пары блестящих взволнованных глаз устремились на киммерийца, и в каждой было недвусмысленное ожидание. Конан не стал их томить, выдерживая долгую паузу.

— Спасибо за компанию, девочки, и спокойной вам ночи! — громко объявил он. — Надеюсь увидеть вас всех завтра утром! А ты, Зейла, останься! Хотелось бы кое о чем с тобой побеседовать…

Шесть глаз тут же погасли. Сульфида вновь посуровела. Юная Айша закусила губы и отвернулась, чтобы не показать своих слез. Зейла порозовела и опустила ресницы. Она изо всех сил старалась натянуть на свое личико маску благообразия, но торжествующая улыбка так и дергала, так и щекотала уголки ее губ.

* * *

Несмотря на насмешливые искры в глазах, озорные ужимки и бойкий язычок, Зейла оказалась девушкой, что свидетельствовало о том, что к женитьбе своего Юного и Вечного Божества здесь относятся вполне серьезно. Невинность этого милого и соблазнительного создания тронула киммерийца. Он почувствовал прилив нежности к маленькой незнакомой девушке из совсем чуждого и непонятного ему мира, прикорнувшей растрепанной головой на его плече, как птица на скальном выступе. Он не ног видеть ее в темноте, голос же ее совсем не напоминал Карелу, но даже то, что сходство с зеленоглазой воительницей рассеялось, не уменьшало нежности и поселившейся в груди теплоты.

Отдохнувшие музыканты снова заиграли что-то — на этот раз за тонкой перегородкой — тихое, умиротворяющее, усыпляющее. Разговаривать совсем не хотелось. Тянуло уплыть в сон, такой же теплый и нежный, как тонкие руки Зейлы. Но Конан не мог разрешить себе успокоиться, пока остались непроясненными существенные моменты его будущей судьбы.

— Скажи-ка мне все-таки, что означает это самое Великое Воссоединение, о котором прожужжал мне все уши Жрец? — спросил он, поворачиваясь набок и высвобождаясь из рук девушки. — Кажется, оно должно произойти через три дня?

— Я не могу говорить об этом. Мне нельзя, — прошептала Зейла, снова потянувшись к нему, как ребенок, которого оторвали от матери.

— Что значит «нельзя»? Разве богине можно запретить хоть что-нибудь? Разве есть что-нибудь на свете, о чем нельзя знать Богу? — Либо же — я никакой не Бог, а ты не богиня, а этот старичок, перед которым вы все трепещете, устроил нечто вроде шутовского представления?..

— О, нет! И никакое это не представление! — воскликнула девушка, кажется, обидевшись за «старичка». — Это величайший ритуал, самый важный! Он совершается каждый год в день первого полнолуния после самого длинного летнего дня. Бог настоящий! И богини тоже.

— Раз в год? — переспросил Конан. — Значит, каждый год вам требуется новое божество, которого вам привозят из-за моря подлецы и прохиндеи вроде Чеймо?..

— Ну да. Они привозят, и им хорошо платят за это золотом, ты же сам видел.

— О, Кром! А куда же девается прошлогоднее божество?!

Зейла замялась. Ее нежные пальцы заструились по плечам и спине киммерийца, пощекотали ухо, приглашая к возобновлению игр, подобающих новобрачным в их самую первую ночь гораздо больше, чем скучные разговоры. Но Конан лишь помотал головой, отмахиваясь от возбуждающих прикосновений, и возобновил допрос.

— Нет, ты уж ответь мне, малышка! Я от тебя не отстану. Куда деваются пленники, которых вы покупаете у грязных предателей? Вы приносите их в жертву на алтаре вашей гигантской башни?..

— Нет-нет! Это не жертва! — Зейла испуганно закрыла ему рот пальчиками. — Не нужно так говорить! Это Великое Воссоединение, а не жертва! Но я не могу о нем ничего говорить. Это таинство. Его совершает раз в год сама Великая Жрица, покидая для этого свою башню.

— Ну ладно! Не очень-то ты разговорчива, клянусь Кромом! — вздохнул варвар. — Впрочем, я уверен, что если за дело берется Великая Жрица, то это нечто кровавое… Недаром Чеймо так гнусно усмехался, когда говорил, что на острове мне не будет скучно, что здесь меня ждет большой сюрприз! Ну ничего, боги — с моей помощью — покарали этого подлеца! Надеюсь, Великий Жрец сумеет правильно распорядиться с его шкурой, а также с придурком и предателем Елгу. А вот что касается меня…

Конан на какое-то время притих, задумавшись. Мысли его нельзя было назвать светлыми и безмятежными. Как ни темнит девчонка, как ни старается его заласкать, притушить нехорошие подозрения, но она слишком простодушна и бесхитростна, чтобы утаить жутковатую истину.

— Скажи мне еще такую вещь, — снова заговорил он, — только честно. Богиня ведь не должна вкручивать мозги своему божественному супругу! Скажи: было ли когда-нибудь так, что проданному пленнику удавалось улизнуть с вашего острова?

Зейла прилежно задумалась, вспоминая.

— Я живу на свете уже семнадцать лет, — сказала она, — но такого на моей памяти не случалось ни разу. Некоторые пытались бежать, но разве можно скрыться от наших воинов! Ни вырваться, ни убежать, ни спрятаться невозможно.

— И что случалось с теми, кто пробовал бежать? Воины закалывали их мечами?

— Нет, что ты! Ведь ритуал Великого Воссоединения должен был произойти, несмотря ни на что. Даже если пленник по глупости или по трусости не хочет принять уготованную

ему величайшую честь воссоединиться с Богом, это ничего не меняет. Конечно, праздник теряет в своем великолепии, когда Воссоединение происходит со связанным либо напуганным до потери сознания, но все равно совершается то, что должно совершиться. Так было уже много веков, и так будет до тех пор, пока все мы не поднимемся по ступеням башни и не войдем в раскрытые двери неба! — Последние слова она произнесла с гордостью, невольно возвысив голос и приподнявшись с ложа.

Конан почувствовал, что нежную теплоту незаметно вытеснили из его груди досада и горечь. Какая она чужая, эта ласковая и милая девочка! Пусть она прижимается к нему и заглядывает в глаза, пусть она податлива и безудержна в ласках — все равно между ними пропасть, которую ему не перепрыгнуть. Если он задумает бежать отсюда — а он, конечно же, именно это и задумает! — она не станет ему помогать, о нет. Скорее, помчится ловить его, помогая невозмутимым, как статуи, и вышколенным, как охотничьи псы, воинам…

— Что-то я притомился сегодня, — пробормотал он, отворачиваясь от нее к стене и отодвигаясь. — Пора спать. Счастливых снов тебе, маленькая богиня…

— И тебе счастливых снов, — откликнулась она со вздохом, правда почти неслышным.

Пленник с виду казался таким неистовым и могучим, полным юных сил, а вот поди ж ты — первая ночь с молодой женой оказалась такой короткой… Первая и последняя ночь — ведь завтра наступит очередь одной из ее подружек!

Перед тем как окончательно погрузиться в сонное беспамятство, киммериец пробормотал что-то.

— Что ты сказал? — переспросила задремавшая было Зейла.

— Я говорю: никак не могу понять, как может быть такое… Юный и Вечный Бог, каждый год новый, которого закалывают, как теленка… И после этого, как уверял меня ваш старый жрец, он начинает швыряться молниями и повелевать морями…

— Этого никто не может понять, — сонно прошептала девушка. — Даже Великий Жрец, по-моему, этого не понимает. Одна только Великая Жрица…

* * *

Следующие два дня были посвящены утомительным и длинным ритуалам. Юный и Вечный Бог должен был пройти через процедуры омовения, очищения, благословения, благодарения, освящения плодородной почвы и еще один Митра знает чего. Конан хотел было воспротивиться сразу, лишь только после утренней трапезы на него стали напяливать огромный головной убор из ярких птичьих перьев, рыбьих костей и распорок из полированного дерева. Но Великий Жрец при всей почтительности был непреклонен, а бесстрастные воины не оставляли его ни на миг, придвигаясь в решительные моменты почти вплотную.

Вспомнив слова Зейлы, что ритуал должен произойти, несмотря ни на что, даже со связанным или бесчувственным телом пленника, киммериец решил не тратить попусту сил на бессмысленное в данной ситуации сопротивление. Вместо этого он приказал себе подмечать все вокруг, вслушиваться и всматриваться в происходящее, чтобы выработать план побега.

Он покорно облачался в самые немыслимые наряды, поднимал руки вслед за Великим Жрецом, обратясь лицом к небу, произносил громкие ритуальные заклинания на незнакомом

и, по-видимому, очень древнем языке. Все четыре его жены все время находились рядом, одетые и разукрашенные так же нелепо, и принимали активное участие в обрядах, заклинаниях и песнопениях.

Всю эту тягомотину скрашивали лишь обильные трапезы, еще более роскошные, чем в первый день, да долгие промежутки отдыха на мягких коврах у прохладных фонтанов в обществе услужливых и любезных четырех красавиц. С каждым новым днем Конан и его свита поднимались еще на несколько десятков ступеней вверх. Чем выше и ближе к небу были обители — трапезные, бани, сады, спальни — тем более изысканным становилось их убранство, тем больше драгоценных камней украшало светильники, вазы и кубки, тем более дорогие ткани струились с плеч танцовщиц, музыкантов и прислужников.

На третий день они поднялись уже так высоко, что баркас, в обгорелом трюме которого прибыл сюда киммериец, казался маленькой щепкой, прибившейся к мрамору берега. Да и весь остров с его садами, шахтами, жилыми постройками и гаванью казался не более брошенной на светло-нефритовую гладь моря мохнатой шкуры с пятнами буйной зелени и проплешинами озер…

Все четыре жены проводили с Конаном время неразлучно с утра до позднего вечера, но на оставшуюся часть суток с ним неизменно оставалась одна лишь Зейла.

Во второй вечер, когда наступила знакомая многозначительная пауза, Конан заметил, как девушка, потупившись, хотела было незаметно выскользнуть из покоев. Сульфида же, напротив, пересела к нему поближе и словно невзначай опустила на плечо ладонь. Коная покосился на нее с неудовольствием. Из них четверых она была самой красивой и статной, но, тем не менее, нравилась ему меньше всех. Несмотря на ночной разговор, разочаровавший и раздосадовавший его, киммерийца по-прежнему больше всех привлекала насмешливая Зейла. К тому же тревога и лихорадочный поиск способов побега, не оставлявшие его ни на миг, пригасили в нем всякое желание предаваться любовным безумствам. Хорош бы он был, развлекаясь с женщинами на краю жестокой и позорной гибели! Все равно, как если бы быку, ведомому на бойню, вздумалось порезвиться на зеленом лугу с коровой…

Рассудив, что лучше продолжить приручение явно влюбленной и уже сблизившейся с ним девушки, чем начинать все сначала с новой, без всякой надежды на успех, Конан снял с плеча назойливую ладонь (правда, пожав ее при этом, ласково и поощрительно) и властным жестом остановил готовящуюся скромно улизнуть Зейлу.

— Разве я велел тебе уходить, малышка? — спросил он. — Что же ты за жена, если стремишься сбежать от мужа с наступлением ночи?..

— Но ведь… — Девушка смутилась до слез и покраснела. — Но ведь вчера…

— Вчера все было замечательно, и сегодня я жажду продолжить наши игры и наши беседы!

Сульфида обратила на избранную счастливицу испепеляющий взгляд, отчего та сжалась, потеряв всю насмешливость и весь задор.

— Ты не понимаешь… — залепетала она. — Ведь у тебя четыре жены, а не одна… Я не могу больше… Нельзя…

— Когда божество слышит слово «нельзя», оно впадает в буйную ярость, — возразил киммериец с выразительной и грозной интонацией. — Я знать не знаю этого слова! Разве ты не жена мне? Разве я не могу остаться наедине с женой, и именно с той, с которой пожелаю, а не которую мне навяжет ритуал или Жрец?!..

Он разозлился не на шутку, и голос его загремел ненаигранно. Сульфида поспешила

подхватить под руки двух своих сестер по несчастью, и они вышли. Конану показалось, что, обернувшись напоследок к Зейле, она прошипела сквозь стиснутые зубы проклятие.

— Проклинай меня, красотка! — посоветовал он ей. Но его она не удостоила ни жестом, ни взглядом. Проклятие старшей подруги смутило девушку, но не надолго. Сознание того, что вновь она оказалась любимой женой Юного и Вечного Бога, наполнило ее бесхитростным ликованием, от которого ее милое лукавое личико еще больше похорошело.

Впрочем, счастливую избранницу поджидало разочарование: супруг ее уделил любовным утехам еще меньше времени, чем накануне. Не к ласкам, но к разговорам тянуло его больше всего. Да еще к таким разговорам, темы которых были для нее закрыты строжайшим, воспитанным с детства запретом. Вместо счастливого и бездумного упоения получился тягостный, полный смятения и недомолвок, допрос.

На этот раз Конан решил выведать относительно собственной судьбы девушки, которая, как он имел все основания предполагать, значит для нее больше, чем судьба чужеземного пленника.

— Скажи-ка мне, моя милая, моя преданная Зейла, — начал он, ласково поглаживая ее спутанные волосы и машинально перебирая пальцами невидимые в темноте круглые жемчужины, — что происходит с женами божества после того, как он воссоединяется… где-то там? Что станет с тобой, когда минут обещанные мне жрецом четыре дня?..

— Как что? — удивилась она. — Жена должна быть вместе с мужем. Разве у вас, в вашей северной Киммерии, не так?

— Вместе с мужем? Ты хочешь сказать, что ты тоже… что тебя тоже постигнет участь жертвенного животного?! — Конан едва верил своим ушам, впрочем, по тону девушки чувствовалось, что шутить она не собирается.

— Ну зачем ты так говоришь?! (Киммериец почувствовал, как по худым, обнаженным плечам под его рукой прошла судорога.) Как можешь ты это сравнивать с закланием жертвенного животного?.. Ведь это же величайшее счастье, величайшая честь, которой только может удостоиться женщина нашего народа!..

— А с Сульфидой, Хайолой и Айшей будет то же самое? — спросил Конан, стараясь говорить спокойно, хотя спокойствие это давалось ему с трудом.

— С ними будет то же самое, ведь они тоже жены, как и я. Но только если ты их выберешь в оставшиеся дни. До сих пор ты выбирал одну лишь меня… Но еще есть время.

— Выбрал тебя! О, Кром! Ну это же надо!.. — воскликнул киммериец, не в силах больше сдерживаться. — Если б я знал, чем обернется для тебя этот выбор, я бы, подавив в себе отвращение, остался бы со злючкой Сульфидой. Из вас четверых ее мне меньше всего жалко.

— Ты оскорбляешь меня, киммериец! Разве я чем-нибудь заслужила это?! — В голосе девушки послышались слезы. Она приподнялась с ложа и гордо выпрямилась в темноте. — У тебя еще есть время остаться с Сульфидой! Ты волен выбрать всех четверых, волен трех, двух или только одну, но я не позволю тебе больше говорить о священных вещах в таком тоне! Да-да, не позволю! Если ты не сменишь тон на почтительный или вообще не умолкнешь, я уйду! Уйду, и оставайся тут в одиночестве!

По всему было видно, что девушка разгневалась не на шутку. Ее продолговатые глаза горели во тьме, как у дикой кошки, пальцы сжимались в кулачки и вновь разжимались. Озорной юный ребенок превратился в фурию.

Конану ничего не оставалось, как снова признать свое поражение в попытке добиться взаимопонимания. О, Кром! Видимо, он ничего не смыслит в женщинах. Возможно,

пышногрудая и молчаливая Хайола или малютка Айша оказались бы понятливее и с ними удалось бы договориться. Его же угораздило выбрать безмозглую фанатичку (сходство с рыжей Карелой оказалось для него зловещим!), которая с восторгом относится к перспективе быть зарезанной на алтаре, подобно овце. Проклятие! Чтоб ему провалиться в пучины моря, этому острову!..

* * *

Утро третьего дня началось с подготовки к очередному ритуалу. Конана обрядили в высокий головной убор из ярко-алых перьев, плотно скрепленных одно с другим и перевитых бисером. На шею ему повесили массивную цепь из золотых дисков, а в правую руку вложили бронзовый посох с резным набалдашником в виде львиной головы с грозно распахнутой пастью.

— Кажется, сегодня устраивается что-то особенное! Неужели долгожданное соединение? — негромко спросил киммериец у Зейлы, улучив момент, когда она оказалась рядом.

Девушка, как и остальная троица жен, была обряжена пышнее и торжественнее обычного. Голову ее венчали перья страуса, а черные глаза были подведены углем до середины висков.

— Воссоединение произойдет завтра! — шепотом ответила она. — Это случается на четвертый день, а сегодня только третий! Сегодня будет очистительная жертва.

— И кому же повезет стать жертвой?

— А ты не догадываешься? Кого в день твоего приезда приговорил к смерти Великий Жрец?..

Конан, поглощенный последними событиями, забыл уже и думать о двух предателях, по чьей милости он оказался здесь. Известие, что сегодня он будет присутствовать при их казни (вполне ими заслуженной, разорви их Кром!), наполнило его самыми противоречивыми чувствами.

— Надеюсь, совершать это жертвоприношение придется не мне? — спросил он.

— О, нет. Тебе не полагается совершать никаких жертвоприношений. Это обязанность Великого Жреца.

— Вот и славно! А не мог бы я вообще сбежать от этого зрелища? Заняться чем-либо иным?.. — поинтересовался он с надеждой.

— Ни в коем случае! Великий Жрец не допустит этого. Но почему ты так говоришь? Разве тебе не хочется посмотреть, как будут умирать те, кого ты ненавидишь, кто обманул тебя? — удивилась девушка.

— Я не прочь взглянуть на их смерть, — честно ответил киммериец. — Я даже сам с удовольствием потешил бы свой меч, особенно о шкуру предателя Чеймо. Но не так! Да и смешно было бы мне торжествовать, глядя, как отправляются мои враги в мир Серых Равнин, если завтра меня ожидает то же самое…

Зейла лишь выразительно взглянула на него и глубоко вздохнула, показывая, что спорить с ним и пытаться втолковать истину абсолютно бесполезно.

Конан, его нарядные жены, Великий Жрец, неизменные воины, а также значительная часть народа, пребывающего в приподнято-праздничном настроении, поднялись на

несколько десятков ступеней и заполнили небольшую площадь (в несколько раз меньшую, чем в основании пирамиды). В трех или четырех верхних ступенях были сделаны округлые выемки, так что получилось нечто вроде ниши в верхней трети пирамиды, открытой со стороны фасада и замкнутой сверху и с боков. Посередине ниши находился темный четырехугольный камень в форме стола. Возле него под охраной шестерых воинов с обреченным видом стояли Чеймо и Елгу, видимо приведенные заранее.

Конана провели на возвышение, с которого он мог видеть все происходящее без каких-либо помех. Нежные жены выстроились за его плечами, дыша в затылок.

Великий Жрец, воздев ладони к небу, гортанным голосом произнес длинную молитву. Эхо, рожденное мраморными стенами и низким потолком, придавало ей грозную потустороннюю мощь. Конан не вслушивался, обуреваемый мрачными мыслями. Он уловил только, что Жрец за что-то благодарит Бога и что-то ему обещает, а также заверяет, что любимое божество не будет испытывать ни голода, ни жажды.

Затем в руках у него оказался короткий обоюдоострый бронзовый меч. Двое солдат резким движением швырнули на каменный пол несчастного Чеймо, так что раздался хруст костей, и крепко прижали его плечи.

Конана немало удивило, что хауранец, не отличавшийся, как известно, чрезмерной отвагой, не скулил, умоляя о пощаде, не размазывал по лицу слезы и сопли. Напротив, на губах его застыла улыбка, правда довольно бессмысленная. Такая же глуповато-довольная гримаса приклеилась и к лицу его напарника, терпеливо и недвижно дожидавшегося своей очереди.

— Ты не знаешь, чего они так скалятся? — тихо спросил киммериец, обернувшись к замершей за его плечом любимой жене.

— Они выпили напиток храбрости, — шепотом объяснила Зейла. — Они не соображают, где находятся и что с ними происходит. Им просто хорошо.

— О, это очень любезно с вашей стороны! — язвительно хмыкнул Конан. — Жертвенные животные не мычат и не пытаются укусить, но лишь пускают розовые пузыри, как врожденные идиоты!

Архидалл приблизился к распластанной жертве и, занеся над головой бронзовый меч, что-то торжественно выкрикнул на незнакомом языке.

Движимый внезапным порывом, неожиданным для самого себя, Конан шагнул вперед и властно простер руку.

— А ну-ка, приостановись, Великий Жрец! Опусти, опусти оружие!

Потрясенный Жрец оглянулся на него и опустил меч. Впрочем, растерянность его была недолгой.

— Ты не можешь нарушать ритуал и приказывать мне! — с достоинством возразил он.

— Я хочу приказывать и буду тебе приказывать! — загремел в ответ киммериец. — Разве не ты называл меня Богом? Не меньше тебя я жажду смерти этих двух подлецов, но я хочу покарать их сам, своими руками. Я сойдусь с ними в честном поединке на мечах, лишь только кончится действие отупляющего зелья, которым вы опоили их!

— Ты не отдаешь отчет в своих словах, чужеземец! — ответил Жрец. — Да, я называл тебя Богом, Юным и Вечным Богом нашего народа, но я также тебе объяснил, что только после Великого Воссоединения ты обретешь право и способность повелевать и приказывать. Но не раньше того! Этот священный обряд произойдет завтра. Сегодня ты не вправе приказывать мне.

Архидалл вновь повернулся к распятому на камне Чеймо и занес жертвенный меч.

Но Конан не собирался сдаваться так легко.

— Да, я отлично помню твои слова, Великий Жрец! — крикнул он, перекрывая поднявшийся ропот толпы, возмущенной кощунственным нарушением ритуала. — Ты говорил, что я буду наказывать нечестивых, вызывать бури на море и поражать молниями. Так вот, запомни мои слова: завтра же, как только произойдет это самое Воссоединение, я нашлю страшную грозу на ваш жалкий клочок земли! И первая же молния поразит твою макушку. А если тебе этого окажется мало, я смою ваш островок в море. Он будет навеки погребен под пенящимися валами. Ты слышишь меня, Жрец?! Если ты не послушаешься меня сейчас, завтра вы все провалитесь в пасть Нергала!..

Архидалл заколебался. Рука его с занесенным мечом вновь опустилась. Мучительное сомнение исказило благородные и строгие черты. Конан чувствовал, что еще миг — и бронзовый меч зазвенит о мрамор под его ногами.

Душевные муки Жреца яснее ясного показали, что он сам верит в тот бред, в котором убеждал киммерийца два дня назад. Верит в это несчастное Воссоединение, верит в то, что Конан каким-то образом сольется с Богом и обретет могущество Бога. Раз он так дрожит за будущее своей седовласой макушки, за благоденствие своего крошечного островка, окруженного морскими валами, значит, угрозы Конана угодили в цель.

Благодаря этому открытию, Конан почувствовал невольную симпатию к растерявшемуся старику. Выходит, он не лжец, но всего-навсего полоумный фанатик, с мозгами, отуманенными курением фимиама. Он готов был уже расхохотаться с облегчением, празднуя свою маленькую победу, и сказать старику что-нибудь дружески-утешительное, как внезапно расстановка сил существенно изменилась.

В глубине ниши, в пяти шагах от жертвенного камня, что-то зашевелилось, и мраморная плита отошла в сторону, образовав прямоугольное отверстие, ведущее в недра башни. Высокая фигура, закутанная с ног до головы в белое, застыла в проеме, из которого дохнуло холодом и запахом плесени. В первый момент Конану показалось, что на свет выполз дух мертвеца, погребенного когда-то под плитами мрамора. Но шепот, пронесшийся по толпе: «Великая Жрица!.. Сама Жрица!..» — открыл ему, что сама таинственная обитательница пирамиды, не показывающаяся никому и никогда, соизволила прийти на помощь сконфуженному Архидаллу.

Лицо Великой Жрицы, как и все тело, было скрыто под белой тканью. Она стояла, не двигаясь, не выступая из каменного проема. Ни глаз ее, ни рук, ни волос не было видно. Один только голос. Но какой голос! Нечеловечески сильный, холодный, как ветер на вершине горы, он словно сковал всех вокруг благоговейным ужасом.

— Делай свое дело, Архидалл! Не слушай пленного чужеземца, который сам не понимает, кому и чем грозит. Исполни свой долг, ибо иначе ты навеки покроешь себя позором!

Краска стыда залила породистое лицо Архидалла, оттенив седину волос. Он стиснул рукоять меча, размахнулся и точным ударом вонзил лезвие в левую сторону груди несчастного хауранца.

Несмотря на юность, Конан успел уже привыкнуть к виду крови и предсмертных судорог. Но на этот раз зрелище оказалось для него непосильным, и он отвернулся.

На том самом месте, где умирал, хрипя, истекая кровью и подергивая конечностями, предатель Чеймо, он видел себя самого, столь же жалкого, униженного, с разверстой грудью

и бессмысленной улыбкой на холодеющих губах…

* * *

В последнюю ночь с молодой женой Конан вел себя, как мальчишка. Вспоминая позднее свои слова и поступки, он бледнел от стыда. Но это было так. Зрелище казни двух его врагов (которым он сам давно уже искренне желал смерти) так потрясло его, что он потерял контроль над собой.

— Послушай, девочка моя, глупая маленькая девочка, давай унесем с тобой отсюда ноги вместе! — горячо убеждал он Зейлу, сжимая ее в объятиях, перемежая отрывистые свои слова поцелуями. — Поверь, вдвоем мы справимся с этим! Твое знание местных обычаев и моя сила — этого будет достаточно! Главное, обмануть этих бронзовых болванов за дверью и как-нибудь ускользнуть отсюда… Наверное, мне придется переодеться и закутать чем-нибудь лицо… Сейчас ночь, мы кубарем скатимся с вашей лестницы и доберемся до гавани, а там — в баркас!.. У меня много друзей, Зейла! Ты не пропадешь… Клянусь тебе, я буду поддерживать тебя и помогать, если только мы выберемся отсюда!..

Девушка не отвечала ему, но лишь отворачивала лицо. Все доводы киммерийца разбивались об ее отчужденное молчание. Наконец, видимо, устав от его уговоров, она не выдержала.

— Если ты не перестанешь говорить эти ужасные слова, я уйду! Мне даже слушать все это нельзя, не то что отвечать тебе. Ты можешь пытаться бежать, если в твоей большой груди крохотное сердечко курицы! Обряд будет совершен над твоим связанным телом, только и всего.

Ее презрительная интонация и особенно слова о «сердечке курицы» возымели на Конана действие, подобное холодному душу. Он словно очнулся.

— Уходи, — коротко и глухо сказал он ей. — В последнюю свою ночь я хочу побыть один.

Зейла молча оделась и выскользнула за дверь. Она не сказала ни слова на прощание, и в этом тоже было презрение.

Выждав немного, Конан также поднялся и вышел следом за ней. Стоило ему показаться в дверном проеме, ведущем в коридор, как дюжина воинов с блестящими щитами, стоявших в две шеренги вдоль стен, повернула в его сторону лица. Ни сна, ни дремоты, ни усталости не было в бесстрастных и жестких черных глазах. Лица охраны были так же свежи и непроницаемы, как их щиты.

Конан молча переводил взгляд с одного на другого. Те отвечали ему таким же молчанием. «Если ринуться вперед неожиданно и резко, можно будет выхватить меч у этого, самого ближайшего… — размышлял киммериец. — Всадить ему в горло… Эти проклятые длинные щиты!.. Он успеет прикрыться… Оглушить по голове лезвием… двух-трех можно вывести из строя, прежде чем набросятся остальные! Да нет, больше! Им ведь нельзя убивать меня… Они будут стремиться скрутить, но не убить…»

Поединок взглядов длился в напряженном молчании. Конан чувствовал, как по спине его волнами пробегает дрожь нетерпения. Нет, вырваться ему отсюда живым невозможно! Но он прикончит двух, трех, пятерых… И остальным поневоле придется всадить в него свои мечи… Живым он им не дастся! Он не позволит скрутить себя и бросить на жертвенный

камень, словно телячью тушу… Если уж ему суждено перебраться в мир Серых Равнин так рано, то уж, по крайней мере, вид смерти он выберет себе сам! «Сердечко курицы» — так она сказала?! Завтра эта дурочка заноет по-иному! Лишь только узнает…

Конан с трудом подавил в себе порыв броситься с яростным ревом на ближайшего к нему охранника и закончить свою молодую жизнь достойно, буйно и весело, как подобает киммерийскому воину. Его остановило соображение, что возможность погибнуть в схватке будет у него и завтра, она останется с ним до самого последнего момента, до жертвенного камня на вершине башни. Он успеет сокрушить пяток охранников, а может быть — если повезет — и Великого Жреца в придачу (хоть этот старик в чем-то ему симпатичен)! Это будет завтра. И это будет в том случае, если у него не останется ни одной, даже самой крохотной возможности совершить побег.

Развернувшись, так и не произнеся ни звука, Конан вернулся в свои покои. Завтра предстоит напряженный денек, поэтому нужно выспаться. «Сердечко курицы» — сказала она?.. Как бы не так! Люди с сердцами курицы вряд ли смогут заснуть, крепко и безмятежно, накануне собственной своей казни…

* * *

Наутро голова Конана была свежей, не обремененной ни страхами, ни сомнениями. Он готов был встретить свою судьбу, какова бы она ни была, и помериться с ней силами.

Привычные уже ритуалы омовения, очищения и облачения в священные одежды он перенес спокойно, без нетерпения и раздражения. На этот раз его наряд почти не отличался от вчерашнего, лишь на шею вместо цепи из золотых дисков была водружена цепь из незнакомого светлого металла, того же, из которого были отлиты щиты воинов. На лбу и на скулах тонкой кисточкой ему нанесли сложный узор из переплетения малиновых и золотистых линий.

На этот раз рядом с ним не оказалось его четырех жен. Одна лишь Зейла, нарядная, торжественная и разрисованная еще гуще, чем он, встретила его у подножия лестницы, теперь уже совсем не длинной. Конану не особо хотелось разговаривать с ней, но все же он поинтересовался:

— А где остальные красавицы? Где Айша, Хайола и Сульфида?..

Зейла покосилась на него холодно и презрительно и ответила, едва разжимая губы:

— Сульфида не перенесла позора, ее больше нет, Айша и Хайола, должно быть, последуют за ней. Кому хочется нести на себе всю жизнь такое бремя?!

Конан опешил.

— Сульфида покончила с собой?! Но кто опозорил ее?..

— И ты еще спрашиваешь!?

Взгляд, которым она смерила киммерийца, был полон праведного возмущения! Впрочем, оно не было вполне искренним: горделивая тайная радость, что именно она, и только она, оказалась истинной супругой божества, явственно читалась в нем.

Конан усмехнулся с горечью и покачал головой. (Красные перья на его макушке колыхнулись, как огромное опахало). На этот раз, как и следовало ожидать, Конан со всей своей свитой поднялись до самой вершины башни. Последняя площадка на ней была совсем небольшая, около двадцати локтей в поперечнике. Посередине стоял жертвенник, но

меньших размеров, чем внизу, и не из камня, а из блестящего черного обсидиана. Очень острый и узкий нож из того же обсидиана лежал на нем.

Конан огляделся по сторонам. Небо с длинными перистыми облаками, похожими на шлейфы невидимых летающих существ, казалось совсем близким. Стоит ему подняться на цыпочки или подпрыгнуть, и верхушка алых перьев, водруженных ему на темя, зацепится за края белоснежно-прозрачных шлейфов, протащит их за собой…

Синяя морская гладь простиралась далеко-далеко. К северу у горизонта смутно вырисовывались очертания других островов, а на востоке проступало далекое гирканское побережье. Рыбачий баркас из Султанапура, плавучая тюрьма киммерийца, по-прежнему покачивался на волнах далеко внизу и казался меньше игрушечной детской лодочки.

Вдоль всей лестницы, от самого подножия до вершины, протянулись две шеренги солдат, неподвижно застывших, как металлические изваяния, нестерпимо блестевшие в лучах восходящего солнца. Самые нижние фигурки казались крохотными каплями расплавленного червонного золота. Женщины, дети, старики и старухи — все население острова — торжественные и нарядные, столпились на нижней площадке для жертвоприношений, там, где накануне были принародно лишены жизни Чеймо и Елгу. По-видимому, выше им подниматься было нельзя. Все они запрокидывали голову, стараясь как можно лучше разглядеть все детали будущего ритуала Великого Воссоединения.

Великий Жрец взял из рук одного из воинов хрустальный сосуд с желтоватой жидкостью и протянул его Конану.

— Ты должен выпить это!

Конану вспомнилось бессмысленно-радостное лицо Чеймо с розоватой пеной на губах за несколько мгновений до смерти. Вспомнилось придурковатое хихиканье Елгу… Он отрицательно покачал головой и не принял сосуд.

— Ты должен выпить это! — еще настойчивей повторил Жрец. — Ты бестрепетно взошел по великой лестнице, ты не бледен и не чрезмерно красен, твое дыхание спокойно, а руки не дрожат. Ты хладнокровен и мужествен, киммериец, как и полагается божеству. Но все-таки выпей! Ритуал Великого Воссоединения совершается стоя. Воины не будут держать тебя. Чтобы до конца сохранить достоинство, подобающее Юному и Вечному Богу, ты должен укрепить свой дух напитком отваги.

Конан принял из рук Жреца сосуд, но не поднес к губам, а вылил золотистую жидкость себе под ноги.

— Я же сказал тебе, что не буду глотать твое отупляющее питье! — с усмешкой произнес он. — Обещаю, что твоим воинам не придется держать меня. Обещаю не выть, не валиться на колени и не вымаливать у тебя жизнь! Что же тебе еще?.. Или Юный и Вечный Бог должен обязательно улыбаться улыбкой врожденного идиота и пускать розовую пену?!

Архидалл смотрел на него какое-то время, нахмурившись и покусывая тонкие губы. Этот строптивый северный варвар стремится во всем поступать по-своему! Он ведет себя, как дикий буйвол в храме. Он ломает и рушит все древние, освященные временем каноны! Пожалуй, в следующий раз надо будет проверять привезенных из-за моря пленников не только на наличие увечий и физических недостатков, но и на строптивость…

— Не ешь меня глазами, Жрец! — насмешливо воскликнул варвар. — Начинай скорее свой ритуал, пока солнце не достигло зенита. Я не люблю долго стоять на солнцепеке!

Архидалл, рассудив, что неразумно будет сейчас спорить и доводить дело до открытого конфликта, который грозит еще большим нарушением ритуала, грозит разбить вдребезги его

торжественную красоту, миролюбиво кивнул головой.

— Хорошо. В таком случае, я полностью полагаюсь на твое мужество, киммериец. Что касается солнцепека, придется тебе потерпеть. Самая главная часть ритуала должна совершаться при высоком солнце!

Жрец взял из рук своего помощника еще один хрустальный сосуд с напитком отваги и протянул его Зейле. Девушка выпила золотистую отраву без единого слова, быстро и жадно, и облизала губы. Лицо ее сразу же порозовело, глаза заблестели ярко и бессмысленно, а рот приоткрылся с выражением расслабленности и блаженства. Покосившись на нее, Конан не удержался и сплюнул с горечью.

— Тебе стало совсем хорошо, не так ли, моя маленькая красавица? — спросил он.

Зейла повернулась к нему, но ничего не ответила, лишь засмеялась, встряхивая головой с тяжелым убором из перьев и звеня золотыми браслетами.

Великий Жрец вытянул вперед и вверх прямую и длинную, словно стрела, ладонь. По этому знаку загремела музыка. Она была такой неожиданной и громкой, что Конан невольно вздрогнул. Четверо музыкантов, до этого не замеченные им за спинами солдат, выступили вперед. Они дудели в длинные трубы, гудели в морские раковины, ударяли в блестящие медные диски. Пронзительные звуки, казалось, разрывали голубой шелк небес, чтобы разбудить к началу великой церемонии верховное божество, если то еще не проснулось либо задремало ненароком.

Великий Жрец опустил руку, и музыка смолкла.

— О, Владыка, справедливый и милосердный! — громогласно произнес Архидалл, протянув ладони прямо к солнцу, почти достигшему уже высшей своей точки на небе. — Пусть свершится Великое Воссоединение! Пусть твой земной сын поднимется к тебе, напитав тебя священной кровью! Пусть он сольется с тобой! Пусть свершится ежегодный поворот колеса твоей сияющей колесницы, устремленной в вечность! Пусть Кровь претворится в Свет! Пусть Сердце поглотится Солнцем!

Конан ожидал, что после этих слов Жрец сожмет в ладони обсидиановое лезвие и приступит к самой существенной и конкретной части ритуала. Он подобрался и бросил украдкой взгляд за спину, соображая, на каком расстоянии от него находится ближайший воин с длинным щитом.

Но Великий Жрец еще не кончил словесную часть церемонии. Он снова вытянул руку, вызвав взрыв пронзительной музыки. Когда дудки, раковины и медные диски смолкли, он продолжал, глубоко и торжественно, вперив, не мигая, глаза в солнечный диск:

— О, Лучезарный Бог! Прими также юную и прекрасную супругу своего сына и свою супругу! Пусть ее кровь и ее сердце вольют в тебя новые силы! Пусть от вашего счастливого союза прольются на землю благодатные дожди! Пусть щедро взрастут на земле плоды — бесчисленные дети любви вашей!

Когда он смолк, Зейла в полном и самозабвенном восторге расхохоталась, обратив лицо вверх и захлопав в ладоши, словно трехлетняя девочка.

Конан опять напряг мышцы, приготовившись к быстрой и решительной схватке, но Архидалл все оттягивал самое главное действо. В третий раз загудели трубы и зазвенела медь. В центре площадки, в двух шагах от жертвенного камня, медленно приподнялась и отошла в сторону мраморная плита. Конан не слишком удивился, когда из темного прямоугольного провала поднялась высокая женщина в таких же серебрящихся, что и у Жреца, ниспадающих одеждах.

На этот раз лицо Великой Жрицы было открыто, и Конан почувствовал укол разочарования: ничего особенного не было в облике этой таинственной женщины, которую никому не дозволялось видеть и которая лишь раз в год покидала свою добровольную мраморную темницу. Кожа ее была очень бледна, с прозеленью, какой бывает стебель травы, выросшей без единого луча солнца. Черные распущенные волосы струились по плечам и спине, достигая коленей. Трудно было определить ее возраст: зеленоватая кожа была гладкой и матовой, в волосах не блестело ни одной сединки, но темные, пристальные и немигающие глаза смотрели так, как смотрят много пережившие и уставшие от всего пережитого старухи. Черты лица были суховаты и породисты, как и у Великого Жреца, и у Конана мелькнула мысль, что она, должно быть, является его сестрой или другой близкой родственницей.

Киммериец приготовился, что сейчас Жрица раскроет свой бледный и тонкогубый рот, и раздастся тот ледяной и очень громкий голос, замораживающий кровь в жилах, которым она поразила и победила его накануне. Но Великая Жрица молчала. Она подошла к жертвенному камню и подняла лицо вверх, к пылающему в зените солнцу. Теперь они с Великим Жрецом стояли друг против друга, оба в белом, с запрокинутыми лицами и воздетыми ладонями. Оба они выдерживали яркий солнечный свет не мигая.

— Крохэм шоэрайя габулд! — произнес Архидалл, на этот раз негромко.

Великая Жрица опустила руки вдоль тела и потупила глаза. Лицо ее побледнело еще больше, губы сжались в тонкую ниточку. Она больше не казалась живым человеком, но — алебастровой статуей с наведенными углем ресницами и бровями.

Конан не сводил с нее глаз, ловя малейшее движение и стараясь не пропустить тот миг, когда нужно будет действовать решительно и стремительно. Но то, что последовало за ледяными мгновениями полного молчания, обескуражило и привело в смятение даже его. Длинные черные волосы Жрицы стали подыматься вверх. Казалось, невидимые струи воздуха поддувают откуда-то снизу, от ее ступней, и под их напором вороные пряди взмывают вертикально. Еще это напоминало приступ сильного ужаса, сжимающего внутренности смертельного страха, от которого волосы встают дыбом. Впрочем, киммерийцу никогда не доводилось видеть, чтобы вздымались волосы такой длины и густоты…

Несмотря на выпитый ею напиток отваги, Зейла затряслась и тихонько заскулила. С лица ее сбежала блаженно-бессмысленная улыбка, а глаза выступили из орбит. Великий Жрец — хотя и наблюдал это зрелище, должно быть, не в первый раз, — побледнел. Кожа его приняла такой же зеленоватый оттенок, что и у закаменевшей сестры. Он судорожно сглотнул и плотнее сжал губы.

Поднявшиеся дыбом, вытянувшиеся вертикально вверх во всю свою немалую длину черные пряди превратили женщину в существо жуткое и фантастическое. Казалось, кончики ее волос тянутся, как черные водоросли, как длинная обгорелая трава, к лучам зенитного солнца, касаются этих лучей, соединяются, сцепляются с ними…

Она сама напоминала солнце, эта женщина, с белым, круглым, как диск, лицом, обрамленным растрепанными смоляными лучами, — зловещее солнце, неведомое солнце иных, подземных миров.

Великая Жрица медленно подняла веки и вперила в киммерийца немигающие черные глаза, горделиво-властные и безмерно усталые одновременно. Он выдержал ее взгляд. Он даже мельком подумал о чем-то похожем на жалость, что этой немолодой женщине, должно быть, очень сыро, темно и уныло под толщей мраморных плит, откуда она только раз в год

ненадолго выползает, грея свои старые кости под полуденным солнцем…

— О, Пресветлый Владыка Мира! — в третий раз задрал подбородок в зенит Великий Жрец. — Пусть свершится Великое и Священное Воссоединение! Прими! Прими! Прими!

Великая Жрица протянула руку к рукояти обсидианового ножа. Но Конан на долю мгновения оказался быстрее.

Выхватив лезвие из-под ее длинных пальцев, он задумался — но всего лишь на миг! — а затем резко подался вперед и, сжав левой рукой пук вздыбленных черных волос над макушкой Жрицы, правой отсек их под корень одним движением.

Если бы киммерийца спросили, отчего ему пришло в голову сделать именно это, он не сумел бы ответить. Как не сумел бы объяснить и прочие свои действия и слова. У него не было времени размышлять и прикидывать.

Подняв над головой свой победный трофей, Конан заорал во всю мочь своих легких, обращаясь к застывшим солдатам и толпе внизу:

— Лучезарный Владыка Мира не желает совершать Великое Воссоединение! Он недоволен своими жрецами! Его тошнит от выжившей из ума старухи! Он повелел мне привести к нему новую Жрицу, которая была бы молода и прекрасна!

Конан совсем не вдумывался в то, о чем говорил, вернее кричал, громко и торжествующе. Его несло потоком бурного вдохновения. Отчего-то он чувствовал, неведомо какими путями, но чувствовал, что слова его абсолютно не важны. Он может нести полную бессмыслицу, но если он будет вещать достаточно громко, в одной руке сжимая пук черных волос и потрясая им из стороны в сторону, а другой указуя на солнечный диск, — то бессмыслица эта заворожит всех вокруг и пригвоздит к месту.

Он мельком оглянулся на Жрицу. С обрезанными на макушке волосами вид ее стал еще более жутким и нереальным. Оставшиеся слева и справа вздыбленные пряди напоминали не то два мохнатых рога надо лбом, не то растрепанные крылья. Демоница, да и только! Летучая нечисть, выползшая на свет из подземных обиталищ Нергала… Она раскрыла рот, но горло ее перехватило от гнева и потрясения, и вместо ледяного звучного голоса послышалось лишь слабое шипение.

Ну, нет, он не будет дожидаться, пока она прокашляется и завопит! Нужно все время говорить, вещать, кричать самому, не давая этой ощипанной демонице возможности перекрыть его голос своим. Хорошо, что Великий Жрец тоже в шоке, из которого пока не выбрался…

Конан протянул руку Зейле, жестом приказывая ей следовать за ним. Но девушка, одурманенная и вконец ошеломленная, не двинулась с места и только глядела на него в упор, приоткрыв рот. Впрочем, киммериец и не надеялся, что ему удастся ее спасти. Силком же тащить ее с собой у него не было никакой возможности.

Продолжая торжественно вещать, сам не понимая что именно, и трясти над головой черной гривой Жрицы, Конан развернулся и стал спускаться по лестнице. Больше всего на свете ему хотелось рвануться вперед и вниз что было сил, считая ступени ошалевшими от безудержного счастья побега пятками… но он знал, что давать волю своим ногам нельзя. Он знал, что Юному и Вечному Богу не подобает мелькать пятками, словно трусливому зайцу. Божество должно спускаться размеренно, излучая вокруг себя величавое спокойствие и достоинство. В бегущую его спину тотчас же вышедшие из зачарованного оцепенения солдаты вонзят мечи и стрелы…

Надо идти спокойно. Спокойно, уверенно и вольно. Надо постоянно вещать, властно и

прямо глядя в лица воинов и женщин…

— Великий Владыка Мира покарает ваш остров! Он опустит его в морскую пучину, он разрушит его землетрясением, если вы не смените своих жрецов! Он повелел мне сказать вам все это! Я слышал его голос! Он повелел мне сказать, что гнев его не будет иметь пределов, если новые жрецы будут поклоняться ему по-старому, будут поить его свежей кровью, от которой его давным-давно тошнит!.. Владыка Мира повелел мне отправиться за море, чтобы привезти вам новых жрецов! Я спешу исполнить его повеление! Вашу старую Жрицу он повелел обрить налысо! Спешите же, спешите исполнить повеление Вечного и Юного Бога!..

* * *

Проклятая лестница была очень длинной. Казалось, она тянется от земли до самого неба.

Великий Жрец и Великая Жрица вышли из оцепенения почти сразу же, как наглое и уверенное лицо киммерийца перестало маячить у них перед глазами, а мощный голос — звенеть в ушах. Конана спасло лишь то, что простые люди — воины, их жены, члены их семей — отказывались повиноваться им, так как слова огромного и властного чужеземца, получившего повеления от самого Лучезарного Бога, парализовали их волю и способность трезво соображать.

Некоторые из воинов, выхватив из ножен бронзовые мечи, бросились исполнять приказ Божества относительно Великой Жрицы. Ей удалось спасти остатки своей шевелюры, лишь мгновенно, с неподобающей возрасту прытью шмыгнув в прямоугольный провал в башне. Мраморная плита за ней мгновенно задвинулась, и все усилия полдюжины мужчин, направленные на то, чтобы вновь ее сдвинуть, не привели ни к чему.

Великий Жрец, лишившись поддержки своей повелительницы и соратницы, остался один на один с возбужденной, гудящей, как растревоженный улей, толпой. Все величие слетело с него, белоснежная борода растрепалась, движения ладоней стали суетливыми. Не гордый владыка, но растерянный старик пытался убедить в чем-то взволнованных и шумных своих сограждан…

* * *

Не спеша отвязав от пристани баркас и подняв старый залатанный лоскут паруса, Конан позволил себе обернуться и бросить взгляд на взбудораженный им остров. К сожалению, жертвенная площадка была слишком высоко и далеко от берега, и он не мог рассмотреть отчетливо, что на ней творится. Ни серебристой фигуры Жреца, ни растрепанной демоницы среди беспорядочного мельтешения людских тел разобрать было невозможно.

Одно только было ясно: суматоху он там произвел внушительную…

Конан отвернулся от быстро удаляющегося острова Заремоо и посмотрел вперед, по направлению своего пути. С ветром ему пока что везло. С погодой тоже. Свежий бриз толкал легкое суденышко на юго-запад. Остается только надеяться, что штиль не захватит его внезапно посередине моря Вилайет, что подпорченный пожаром трюм не прохудится

окончательно, что на дне кедровой бочки еще плещутся остатки воды, а в мешке завалялась пара сухих лепешек…

Осознав, что голове его уже давно неудобно и жарко, Конан стянул с макушки высокий и пышный убор из алых перьев неведомой ему птицы. Он повертел в руках, осматривая со всех сторон, громоздкое ритуальное сооружение. Интересно, можно ли будет подарить эту смешную штуковину Кареле?.. Пожалуй, не стоит. Строптивая девчонка только высмеет его с таким подарком. Лучше подарить этот трофей зеленым волнам за бортом!

Одно движение — и ворох красных перьев, перевитых малиновым бисером, закачался на воде. Та же судьба ожидала и длинные жесткие лохмы Жрицы. Распавшись на тонкие пряди, они шевелились в волнах, словно скопище черных змей.

Если что и может понравиться Рыжему Ястребу, то только нож из обсидиана! Хорошо, что он не обронил его, спускаясь по бесконечной лестнице. Блестящее лезвие, черное, с зеленым отливом, кажется совсем новым, а между тем не одна сотня людских сердец, должно быть, вынута им из распахнутых и истекающих кровью грудных клеток. Горячих, еще трепещущих сердец — во славу Лучезарного Бога!.. Кареле лучше не знать об этом.

Красивая игрушка… И намного острее, чем лезвие из стали, серебра или бронзы. Пожалуй, даже кожаный доспех не устоит перед ним. Толстый пук волос был отхвачен им с такой легкостью, словно то были пожухлые стебли… Пусть только рыжая зеленоглазая ведьма посмеет придраться к чему-нибудь и взбрыкнуть, как в прошлый раз.

Кром свидетель — она пожалеет об этом!..

OCR: Alex Mustaeff

WWW.CIMMERIA.RU